

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Алан
Вудс**

ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ

ПУТЬ К ВЛАСТИ

Советский век

Алан Вудс

Ленин и Троцкий. Путь к власти

«Алисторус»

1969

УДК 94(47)
ББК 63.3

Вудс А.

Ленин и Троцкий. Путь к власти / А. Вудс — «Алисторус»,
1969 — (Советский век)

ISBN 978-5-907255-87-6

Юбилеи В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого в 2019 и 2020 годах вызвали новую волну интереса к этим политическим деятелям. Английский историк Алан Вудс, написавший подробную обстоятельную книгу о них, девизом к ней взял слова Оливера Кромвеля, вождя английской революции XVII века, а затем лорда-протектора Англии: «Рисуй меня правдиво, со всеми бородавками!» – говорил Кромвель художнику, которому был заказан его портрет. А. Вудс отдает дань уважения политическому таланту Ленина и Троцкого, но в то же время не боится показывать и ошибки, которые они совершали. «После революции, – пишет он, – Ленин однажды сказал по какому-то поводу, что большевики совершили «много глупостей». Чтобы новое поколение извлекло уроки из истории большевизма, важно нарисовать ее «со всеми бородавками», правдиво». Остается добавить, что в книге использовано огромное количество исторических источников, в том числе никогда не издававшихся в России.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-907255-87-6

© Вудс А., 1969
© Алисторус, 1969

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Алан Вудс

Ленин и Троцкий. Путь к власти

На подготовку первого издания настоящей книги у меня ушло тридцать лет. На окончательную доработку – чуть больше года. Поддержка ближайших соратников помогала мне не выбиваться из графика. Первым и самым важным помощником была моя жена Анна. Много изнурительных часов она посвятила правке материала, проверке источников и библиографии. Это была далеко не простая задача, учитывая беспорядок в моей системе, вернее, отсутствие системы как таковой.

Я хочу выразить благодарность Робу Сьюэлу. Он не только помог мне вычитать ряд моих «непослушных» набросков, но и оказал грандиозную моральную поддержку, неизменно излучая энтузиазм и находясь в приподнятом расположении духа.

Среди тех, кто помогал мне с корректурой, я хотел бы особо выделить и поблагодарить Трейси Хаутон. Благодаря участию этого человека моя рукопись избавилась от «шероховатых» мест, в ней появился здравый смысл и хорошая грамматика. Большую работу сделал Фернандо Д'Алессандро, который просмотрел книгу от корки до корки и составил именной указатель. Наконец, хотелось бы выразить слова признательности Филу Митчинсону, Сью Норрис и Стиву Джонсу за их вклад в корректуру текста.

Отдельной благодарности заслуживает Яннис Пападимитропулос за разработку макета и дизайна обложки. А сотрудничество с Дэвидом Кингом значимо тем, что он внёс неоценимый вклад в защиту подлинных традиций Октябрьской революции и большевизма, выпустив не так давно замечательное исследование, посвящённое этой теме¹.

---

¹ См.: Кинг Д. Пропавшие комиссары. Фальсификация фотографий и произведений искусства в сталинскую эпоху. М.: Контакт-Культура, 2005.

Предисловие

Что бы ни думали иные о большевизме, неоспоримо, что русская революция есть одно из величайших событий в истории человечества, а возвышение большевиков – явление мирового значения².

Джон Рид. 1 января 1919 г.

Первое англоязычное издание этой книги вышло в 1999 году. Она получила восторженные отклики даже от тех, чьи политические взгляды не совпадают со взглядами автора. Книга была переведена на испанский и греческий языки, а также на язык урду; в настоящий момент готовятся новые переводы, в том числе на арабский и индонезийский языки.

Появление русскоязычного издания для меня особенно приятно. Более того, оно имеет чрезвычайно важное политическое значение. Замечательно, что книга переиздается на родине Великого Октября. И ещё более замечательно, что она выходит в свет по следам столетнего юбилея большевистской революции, которая с марксистской точки зрения была величайшим событием в мировой истории.

Карл Маркс говорил, что философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его. Под руководством Ленина и Троцкого партия большевиков столь основательно изменила историю, что последствия этих изменений ощущаются до сих пор. Поэтому, кто бы что ни толковал о русской революции и роли в ней партии большевиков, изучать историю революции должно каждому мыслящему человеку.

Решающим фактором успеха Октябрьской революции, несомненно, стало наличие марксистской партии – партии большевиков во главе с Лениным и Троцким. Эта партия отнюдь не свалилась на Россию с небес и не была сколочена наспех под влиянием политического момента. Партия создавалась на протяжении двух десятилетий ценой невероятных усилий, преимущественно в суровых условиях подпольной работы.

История политических партий не знает других примеров, кроме партии большевиков, когда некое крошечное объединение людей всего за двадцать лет могло бы превратиться в массовую силу, способную повести к завоеванию власти миллионы рабочих и крестьян. Главная цель этой книги – показать путь большевиков как можно точнее, принимая во внимание их успехи и неудачи, победы и поражения.

Требовалось создать противоядие против той истории большевизма, которая родилась ещё в эпоху Сталина. Тогда была положена традиция изображать историю большевистской партии как своего рода триумфальный марш, автоматический процесс, который изначально не мог не закончиться победой. Более того, эти лишённые жизни механистические опусы в жанре истории напоминают скорее сказки, в которых мы обязательно встречаем идеальных героев и неисправимых злодеев. Сегодня никто не воспринимает эти книги всерьёз, без усмешки, если вообще кто-нибудь читает их.

На протяжении тридцати лет я собирал материалы для всеобъемлющей истории большевизма по той простой причине, что мне не встретилось ни одной работы, которая бы честно и справедливо отражала эту важную тему. Буржуазные историки в принципе неспособны создать серьёзную работу о большевистской партии и Октябрьской революции. Ими движет ненависть, злость к революции, и они даже не пытаются скрыть это под маской фальшивой, лицемерной академической «объективности». Едва ли нужно пояснять, что за этой ненавистью скрывается нечто иное, а именно: страх перед революцией, которая в условиях текущего мирового кризиса капитализма вновь грозит разразиться в той или иной стране.

---

² Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М.: Политиздат, 1957. С. 13.

Страх перед революцией

Почти три поколения апологеты капитализма исходили желчью в адрес Советского Союза. Не жалели ни усилий, ни ресурсов для очернения образа Октябрьской революции и рождённого ею национализированного планового хозяйства. Не преминули напомнить о преступлениях сталинизма. Трюк состоял в том, чтобы отождествить социализм и коммунизм с бюрократическим тоталитарным режимом, который родился благодаря изоляции революционных процессов в отсталой стране.

История показывает, что господствующему классу недостаточно победить революцию. Необходимо оклеветать, опорочить имена её вождей, представить революционные события как результат злого умысла, окружить их завесой подозрительности и в результате вытравить из исторической памяти всё, что могло бы вдохновить на борьбу новые поколения. Эта злость и ненависть, рождённые страхом перед глобальными качественными изменениями, побуждают власть предержащую прикладывать максимум усилий для отрицания всех завоеваний и прогрессивного значения русской революции, для очернения памяти о её руководителях. Но эта систематическая фальсификация истории в конце концов окажется неэффективной. Двигателем общественного прогресса является правда, а не ложь. И правда не может оставаться погребённой навечно.

Нетрудно понять единодушную ненависть к Советскому Союзу со стороны тех, карьера, зарплата и материальная выгода которых зависят от сохранения текущего порядка, основанного на Ренте, Проценте и Прибыли. Однако то, против чего эти люди выступают, не имеет никакого отношения к тоталитарному сталинскому режиму. Те же «друзья демократии» всегда без тени сомнения восхваляли диктаторские режимы, если это отвечало их интересам. Так, например, британский «демократический» правящий класс был крайне рад приходу к власти Гитлера, поскольку тот подавил политическую активность немецких рабочих и обратил внимание на Восток.

Плакат, посвященный Октябрьской социалистической революции

Уинстон Черчилль и другие представители британского правящего класса горячо восхищались Муссолини и Франко вплоть до 1939 года. По окончании Второй мировой войны «демократические» западные страны, прежде всего США, активно поддерживали каждую чудовищную диктатуру: от Сомосы до Пиночета, от аргентинской хунты до индонезийского мясника Сухарто, путь к власти которого при активной поддержке ЦРУ был устлан миллио-

нами трупов. Вожди демократических стран Запада раболепствуют перед пропитанным кровью режимом Саудовской Аравии, который мучает, убивает, сечёт и даже распинает собственных граждан. Список подобных варварств можно продолжать бесконечно.

С точки зрения империализма такие режимы вполне приемлемы, если их жизнеспособность определяет частная собственность на землю, а также деятельность банков и крупных монополий. Непримируемая враждебность к Советскому Союзу зиждется не на любви к некой абстрактной свободе, а на голых классовых интересах. СССР ненавидят не потому, что в нём всё было плохо, а потому, что это государство вселяло в людей надежды и было прогрессивным. Противники Советского Союза выступают не против сталинской диктатуры (напротив, преступления сталинизма очень хорошо подходят им для очернения идеи социализма на Западе), а против национализированных форм собственности, которые по-прежнему напоминают о завоеваниях Октября.

Это переписывание истории напоминает принудительные фальсификации сталинских-бюрократов, которые ставили историю с ног на голову, превращали ведущих действующих лиц в персоны нон грата, демонизировали их, как в случае с Львом Троцким, и бесстыдно утверждали, что чёрное – это белое. Нынешние опусы врагов социализма ничем не отличаются от прежних, за исключением того, что они клеветают на Ленина с той же слепой ненавистью и злобой, с какой последователи Сталина клеветали на Троцкого.

Наихудшие примеры такого рода исторических искажений можно встретить и в России. И это неудивительно по двум причинам. Во-первых, эти люди выросли под влиянием сталинской школы фальсификаций, в основе которой лежал принцип, что правда лишь инструмент на службе правящей элиты. Профессора, экономисты и историки, за редким исключением, привыкли приспособливать свои труды к текущему политическому курсу. Те же самые интеллигенты, которые воздавали хвалу Троцкому – основателю Красной армии и одному из вождей Октябрьской революции, – несколько лет спустя, не стесняясь, клеймили его презрением как агента Гитлера. Те же самые авторы, которые лебезили перед Иосифом Сталиным – великим вождём и учителем, – чуть погодя резко переобулись в воздухе, когда Никита Хрущёв разоблачил «культ личности». Привычки умирают тяжело, а методы интеллектуальной проституции в любые времена одни и те же. Меняется только заказчик.

Есть и другая причина, совершенно не связанная с первой. Многие современные капиталисты в России не так давно носили в кармане партбилеты КПСС и действовали во имя «социализма». В действительности они не имели ничего общего с социализмом, коммунизмом или рабочим классом. Они были частью паразитической правящей касты, которая вела роскошную жизнь, выезжая на горбах советских рабочих. Нынче с тем же цинизмом, который всегда отличал этих людей, они открыто перешли на сторону капитализма. Но это чудесное превращение требует определённых усилий. Эти люди ощущают настоятельную потребность в том, чтобы оправдать своё отступничество, извергая проклятия в адрес того, во что они верили сами буквально вчера. Так они пытаются пустить пыль в глаза широким массам, спасая собственную совесть, существование которой у себя они не подвергают сомнению. Даже самый отпетый негодяй находит оправдание своим действиям.

Посещение музея

Недавно я побывал в Санкт-Петербурге, где товарищ пригласил меня в музей. Это был очень поучительный опыт. Музей, который находится в бывшем особняке известной балерины Матильды Кшесинской (она известна ещё и тем, что была возлюбленной царя), прежде назывался Государственным музеем Великой Октябрьской социалистической революции. Именно с балкона этого изящного дома, покинутого бывшими владельцами, Владимир Ленин обратился

к революционно настроенным массам по возвращении из подполья в Финляндии. В этом здании обосновался главный штаб ленинцев.

В музее можно увидеть небольшой балкон, с которого произносил речи Ленин, и стол, за которым работал Владимир Ильич. Но времена изменились. Во всём музее нет ни одной большой фотографии или портрета Ленина. Руководство музея искусно компенсировало это упущение: теперь на посетителей со всех сторон смотрит Александр Керенский. Изменилось и название музея. Теперь это не Музей революции, а Государственный музей политической истории России. Заявленная цель музея – запечатлеть и продемонстрировать политическую историю страны.

Но эта политическая история представлена вполне определённым образом. Подлинная цель музея – не объяснить политическую историю России, а выставить революцию в самом негативном свете. Стены и галереи музея изобилуют фотографиями и портретами не только российских либералов и демократов, но также белогвардейцев и разного толка реакционеров. Я обратил внимание товарища на одно забавное и явно непреднамеренное сочетание.

В экспозиции, посвящённой Гражданской войне в России, две большие фотографии висят на противоположных стенах, друг напротив друга. С одной стороны – фотография белых офицеров, с другой – группа красноармейцев. Полагаю, это задумано как пример абсолютной исторической объективности. Но внимательное изучение лиц представителей Белого движения сразу обнажает характерные черты свирепой реакции: эти лица неприятные, циничные, ожесточённые, вульгарные и суровые. Напротив, у красноармейцев лица здоровых молодых парней из рабочего класса. Этот контраст настолько сильный! Сотрудники музея, сами того не подозревая, выразили его наиболее ярким способом.

Однако эту непреднамеренную ошибку с лихвой исправляют другие экспозиции музея, которые представляют большевиков (которые вообще упоминаются достаточно редко) как кровожадных монстров, а Октябрьскую революцию – как ужасную ошибку. Но разве может быть иначе? Выставка, посвящённая Октябрьской революции, крайне скудна и состоит в основном из гор трупов. Чтобы посетители наверняка уловили основную идею, музыкальный фон экспозиции тоже подчёркнуто зловещий. Таким образом, звук и картинка сливаются воедино, предупреждая зрителя о том, что революции опасны для его здоровья!

В Кронштадте, который в революционные годы называли не иначе как Красным Кронштадтом, есть Якорная площадь. Некогда здесь проходили парады революционных матросов, а сейчас высится огромный православный собор, внутри которого открыта постоянная выставка икон. Среди них есть изображение относительно современного и несколько неожиданного «святого» – царя Николая II, известного своим современникам как Николай Кровавый. Даже часа, проведённого в музее города, который раньше был столицей большевистской революции, достаточно для того, чтобы понять, как сильно современное российское общество отброшено назад – значительно ниже уровня, характерного для Советского Союза.

Мои дебаты с Орландо Файджесом

Буржуазные историки обычно подчёркивают, что Октябрьская революция была типичным «переворотом», который осуществило заговорщическое меньшинство во главе с Лениным, тогда как Февральская революция представляла собой неконтролируемое, стихийное движение масс. Подразумевается, что Октябрьская революция – это нечто плохое, неизбежно ведущее к диктатуре, а Февральская революция, совершённая «во имя демократии», была движением всего общества. Обе эти версии одинаково далеки от истины.

Несколько лет назад я спорил с Орландо Файджесом, профессором истории из Бирбек-колледжа Лондонского университета, на тему «Русская революция – триумф или трагедия?» Во введении к первому изданию моей книги я уже разбирал аргументы, высказанные

этим автором. Но я был совершенно не готов к удивительной смеси фанатичного антикоммунизма, невежества, оскорблений и неприкрытой злобы, которую я наблюдал в ходе этих дебатов. Должен признаться, я уже и забыл, насколько плохи эти буржуазные академики.

Вершиной строго объективного и научного вклада Файджеса стало утверждение, будто бы мне промыли мозги, а моя защита Октябрьской революции есть продукт невежества, в то время как его взгляды – результат собственной академической доблести. Другие аргументы профессора, которые несколько уступают по доказательности и убедительности приведённому выше, я предпочту оставить без комментариев. Главная идея Файджеса, конечно же, заключается в том, что Октябрьская революция есть не что иное, как переворот, организованный крошечной и обособленной группой заговорщиков во главе с Лениным и Троцким. Этот аргумент настолько ребяческий, что кажется невероятным, как взрослый человек в здравом уме может настойчиво повторять его. Между тем Орландо повторял его и выглядел таким довольным, как тот мальчик на фотографии, который получил от Красного Креста новые туфли.

Я терпел это ребячество, хоть это и было выше моих сил. Когда мой оппонент закончил диатрибу, я спросил у него, не будет ли он так добр объяснить, при помощи каких магических способностей крошечная, обособленная группа заговорщиков смогла захватить власть в стране с населением сто пятьдесят миллионов человек. Я попросил предоставить мне рецепт такого необычайного подвига, и, если бы Файджес мог это сделать, я, несомненно, взял бы власть в Великобритании к утру следующего понедельника. Как это ни прискорбно, я до сих пор жду от профессора этого рецепта.

Очень простым языком – чтобы меня понял даже профессор университета – я объяснил, что Октябрьская революция была массовым движением миллионов рабочих и крестьян, вышедших на историческую сцену, дабы взять судьбу в свои руки. Ссылаясь на свидетельства очевидцев и даже на собственную книгу Файджеса, я показал, что партия большевиков к октябрю 1917 года была единственной партией, которая работала с массами и заручилась их доверием, – я показал, как большевики, активно используя лозунги «Земля – крестьянам, мир – народам, хлеб – голодным!» и «Вся власть Советам!», сплотили население страны под своими знамёнами.

Удалось ли мне убедить г-на Файджеса? На этот счёт у меня есть резонные сомнения. Как говорил великий немецкий поэт Фридрих Шиллер, «против глупости сами боги бороться бессильны».

Демократическая и народная революция

Те историки, которые специализируются на мудрствованиях вокруг описываемых событий, утверждают сегодня, что если бы Февральская революция не была задушена большевиками, Россия превратилась бы в демократический рай и всех последующих проблем можно было бы избежать. Это заявление не имеет под собой никаких оснований. Эпизод с Корниловым наглядно показал, куда привело двоевластие. Временное правительство было просто ширмой, за которой собирались силы реакции. Население России выбирало не между демократией и диктатурой, а между приходом к власти российских рабочих и захватом власти русскими фашистами.

Правда заключается в том, что российские рабочие и крестьяне ещё в феврале получили власть в свои руки. Если бы руководство Советов действовало более решительно, революция свершилась бы мирно, без гражданской войны, потому что Советы пользовались поддержкой подавляющего большинства населения. Единственной причиной, по которой в России не удалось быстро осуществить мирную революцию, является трусость и предательство в Советах вождей реформистов.

В Советах доминировали реформистские партии – эсеры и меньшевики, – а большевики были на вторых ролях. Вот почему Ленин выдвинул лозунг «Вся власть Советам!» Главной задачей был не захват власти, а победа над большинством, питавшим реформистские иллюзии.

С марта и вплоть до Октябрьского восстания Ленин настойчиво требовал от реформистских вождей, чтобы те брали власть в свои руки, утверждая, что это гарантировало бы мирное преобразование общества. Он ручался за то, что, если вожди реформистов придут к власти, большевики ограничатся мирной борьбой внутри Советов.

Меньшевики и эсеры отказались брать власть, потому что свято верили, что править должна буржуазия. В результате инициатива неизбежно перешла к реакции. Прикрываясь ширмой российского народного фронта и Временного правительства, правящий класс перегруппировывал силы и готовился нанести ответный удар. Результатом этой подготовки стали реакционные «июльские дни». Рабочие потерпели поражение, большевики были подавлены, а Ленин был вынужден скрываться в Финляндии.

Это подготовило почву для контрреволюции. Генерал Корнилов двинулся на Петроград, чтобы сокрушить революцию. Большевики выдвинули лозунг объединённого фронта для победы над Корниловым. Это был переломный момент в русской революции. Используя своевременные переходные требования («Мира! Хлеба! Земли!», «Вся власть Советам!») и гибкую тактику (единый фронт), большевики привлекли на свою сторону в Советах большинство рабочих и солдат. Только после этого Ленин взял курс на захват власти, что и привело большевиков к победе 7 ноября 1917 года.

Октябрьская революция – именно революция, а не переворот – была самой народной и демократической революцией в истории. Если бы большевики не взяли власть, революция в России потерпела бы поражение, подобно Парижской коммуне. К власти в стране пришёл бы фашизм – за пять лет до Муссолини. Однако российские рабочие и крестьяне не допустили этого, взяв власть в свои руки при помощи Советов, и развернули перед человечеством вдохновляющие перспективы развития.

«Терпеливо объясняйте»

Рост партии большевиков в 1917 году – самая впечатляющая трансформация за всю историю политических партий. В феврале партия была крайне мала: в ней было не более восьми тысяч членов-большевиков, при том что население страны тогда составляло сто пятьдесят миллионов человек. Однако к октябрю большевики были уже достаточно сильны, чтобы привести миллионы рабочих и крестьян к захвату власти.

Ленин не нуждался ни в каком магическом рецепте, чтобы за девять месяцев превратить партию большевиков из сравнительно небольшой группы революционеров в массовую организацию. «Секретным оружием» ленинцев была неустанная работа по привлечению масс на свою сторону при помощи терпеливых объяснений и своевременных лозунгов, которые действительно отражали чаяния масс.

Если бы Ленин хотел прийти к власти, он мог бы сделать это ещё в июне. К тому моменту большевики заручились поддержкой подавляющего большинства петроградских рабочих, солдат и матросов, которые настаивали на том, чтобы ленинцы брали власть. Фактически ничего не могло этому помешать.

Но Ленин и Троцкий отчётливо понимали, что, хотя у них был решающий перевес в Петрограде, иначе обстояли дела в более отсталых губерниях и на фронте. Поэтому вожди большевиков сделали всё, чтобы приглушить интенсивность революционного движения и предотвратить преждевременный захват власти. Тем самым они предотвратили катастрофическое поражение.

Если бы большевики уже в июне взяли власть в Петрограде, советские вожди в союзе с буржуазией и реакционными силами мобилизовали бы армию в провинциях и на фронте, представив ленинцев как немецких шпионов и контрреволюционеров, а революция неизбежно потонула бы в крови. Русская революция разделила бы судьбу Парижской коммуны – героического эпизода, обернувшегося поражением.

Умелое использование тактики единого фронта во время мятежа Корнилова сыграло решающую роль в подрыве позиций меньшевиков и эсеров, подготовив путь к решительной победе большевиков в Советах, начиная с сентября. Только получив решающее преимущество в Советах, большевики поставили вопрос о взятии власти. Большевистская революция была, по сути, самой демократической и народной революцией в истории.

Была ли Октябрьская революция кровопролитной

Ещё один аргумент, который часто повторяет Орландо Файджес и другие обличители большевизма, заключается в том, что Ленин и Троцкий были кровожадными чудовищами, которые пришли к власти по трупам других людей.

Нуждается ли революция в насилии? История учит нас тому, что ни один господствующий класс или каста не отдавали свою власть и привилегии без боя, который обыкновенно ведётся без правил и ограничений. Это совершенно очевидный факт. Поэтому, чтобы осуществить революцию, необходимо преодолеть вооружённое сопротивление правящего класса. Тот, кто отрицает это, фактически не признаёт возможность достижения фундаментальных общественных изменений.

Но означает ли это, что революция невозможна без моря крови? Степень, в которой необходимо насилие, в каждом случае будет определяться соотношением сил между соперничающими классами. Это, в свою очередь, зависит от многих факторов, не в последнюю очередь – от качества руководства рабочим классом, от принятой тактики и программы и т. д. Большевистская революция была относительно бескровной потому, что девять десятых задач восстания были решены в предшествующие девять месяцев благодаря систематической агитационной и пропагандистской работе, которую большевики вели среди фабрично-заводских рабочих и солдат.

В феврале, как уже было сказано выше, партия была немногочисленной, но к октябрю большевики были достаточно сильны, чтобы привести миллионы рабочих и крестьян к захвату власти. Троцкий, сыгравший в этом процессе решающую роль, подробно описывает лёгкость, с которой был взят Петроград. Мирный характер революции был обеспечен тем, что большевики под руководством Троцкого заручились поддержкой Петроградского гарнизона. В «Истории русской революции», в главе «Завладение столицей», Лев Давидович объясняет, как рабочие взяли столь важную Петропавловскую крепость:

«Все части крепостного гарнизона принимают арест коменданта с полным удовлетворением. Но самокатчики держатся уклончиво. Что скрывается за их угрюмым молчанием: притаившаяся враждебность или последние колебания? “Решаем устроить специальный митинг для самокатчиков, – пишет Благонравов, – и пригласить на него наши лучшие агитационные силы, и в первую голову Троцкого, пользующегося громадным авторитетом и влиянием на солдатские массы”. Часа в четыре пополудни весь батальон собрался в помещении соседнего цирка Модерн. В качестве правительственного оппонента выступал генерал-квартирмейстер Пораделов, считавшийся эсером. Его возражения были настолько осторожны, что казались двусмысленными. Тем сокрушительнее наступали представители Комитета.

Дополнительная ораторская битва за Петропавловскую крепость закончилась, как и следовало предвидеть: всеми голосами против 30 батальон одобрил резолюцию Троцкого. *Ещё один из возможных вооружённых конфликтов был разрешён до боя и без крови. Это и есть Октябрьское восстание. Таков его стиль»*³.

Большевистская революция, по крайней мере в Петрограде, была достаточно бескровной. Сам Файджес в своей книге сравнивает её с полицейской операцией. Причина такого характера революции очень проста: существующий режим просто некому было защищать. Большевики поставили под свои знамёна такое колоссальное число людей, что массы фактически привели их к власти в ходе относительно мирного восстания. Что касается Москвы, то здесь советскую власть оказалось установить чуть более сложнее, и то это произошло благодаря ошибкам местных большевиков.

Настоящее море крови принесла только Гражданская война, которая последовала за Октябрьским восстанием. В надежде свергнуть власть большевиков на территорию России вторглась двадцать одна армия иностранных государств. Наиболее реакционные общественные элементы – помещики и прежний правящий класс – были мобилизованы на борьбу с Советским правительством.

Большевикам не оставалось ничего иного, кроме как сражаться, защищая себя от контр-революционных сил, грозящих уничтожить все революционные завоевания. Победа белых привела бы не к установлению буржуазной демократии, как утверждают некоторые наивные простачки, а к созданию свирепой фашистской диктатуры, на фоне которой режим Муссолини выглядел бы относительно безобидным.

Достижения революции

В настоящее время модно принижать и даже вовсе отрицать достижения революции. Однако даже первичное изучение фактов приводит нас к совершенно иному выводу. Несмотря на все проблемы, недостатки и преступления (которыми, между прочим, изобилует и история капитализма), национализированная плановая экономика позволила Советскому Союзу за очень короткое время – по меркам глобальной истории – добиться невероятных успехов в своём развитии. Именно это вызвало страх и ненависть со стороны правящих классов западных государств. Даже сегодня это вынуждает их потворствовать производству самой бесстыдной и беспрецедентной лжи о прошлом, причём клевета, конечно же, подаётся под маской самой изысканной «академической объективности».

Режим, установленный Октябрьской революцией, не был ни тоталитарным, ни бюрократическим. Это был самый демократический режим из всех когда-либо существовавших на планете. Октябрьская революция решительно отменила частную собственность на средства производства. Впервые в истории подтвердилась жизнеспособность национализированной плановой экономики, причём не в теории, а на практике. На одной шестой части земного шара в гигантском беспрецедентном эксперименте было доказано, что можно успешно управлять обществом без капиталистов, землевладельцев и ростовщиков.

Буржуазия заинтересована в том, чтобы раз и навсегда предать забвению идеалы Октябрьской революции. Распад СССР стал сигналом для повсеместной пропаганды против достижений плановых экономик России и стран Восточной Европы. Это идеологическое наступление стратегов капитала против «коммунизма» было расчётливой попыткой уничтожить исторические завоевания революции. Эти дамы и господа ещё с 1917 года восприни-

---

³ Троцкий Л. Д. История русской революции: В 2 т. М.: ТЕРРА, 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 193. – Курсив А. В.

мали русскую революцию как отклонение от правильного пути исторического развития. Они признают только одну форму общества – капиталистическую. Капитализм, говорят они, существовал всегда, он будет существовать и впредь. Поэтому, дескать, не может быть и речи о каких-либо преимуществах национализированной плановой экономики. А советская статистика, пытаются убедить нас, является либо простым преувеличением, либо вообще откровенной ложью.

«Сами цифры не могут лгать, но лжецы охотно используют цифры». На все колоссальные достижения революции в образовании, здравоохранении и социальном обеспечении были вылиты потоки лжи и клеветы, целью которых являлось уничтожение и забвение подлинных достижений прошлого. Все недостатки советской жизни, коих, разумеется, хватало, систематически выдёргивались из контекста и использовались для «доказательства» того, что капитализму якобы нет альтернативы. Вместо движения вперёд в СССР всё приходило в упадок, утверждают критики, вместо прогресса был регресс. «Утверждают, – пишет историк экономики Алек Ноув, – что Советский Союз в 1980-х годах так же сильно отставал от Соединённых Штатов, как и Российская империя в 1913 году». Он приходит к выводу, что «пересмотр и исправление статистики сыграли известную политическую роль в делегитимации советского режима»⁴.

Этой беспрецедентной кампании лжи и клеветы необходимо противопоставлять правильную информацию. Я не хочу перегружать читателя статистикой. Однако, без сомнения, важно продемонстрировать колоссальные успехи плановой экономики. Несмотря на чудовищные преступления бюрократии, невероятные достижения Советского Союза составляют не просто историческую эпоху. В первую очередь они дают представление об огромных возможностях, присущих национализированной плановой экономике, особенно если бы она шла по демократическому пути. Эти достижения резко контрастируют с глобальным капиталистическим кризисом производительных сил.

Октябрьская революция 1917 года привела к величайшему в истории прогрессу производительных сил. Царская, дореволюционная Россия была крайне отсталой, полуфеодальной страной, подавляющая часть населения которой не умела ни читать, ни писать. В стране с населением 150 миллионов человек было всего около 4 миллионов индустриальных рабочих. Это значит, что Россия тогда была более отсталой, чем современный Пакистан. Тем не менее всего за два десятилетия Россия создала мощную индустриальную базу, развила промышленность, науку и технику, ликвидировала неграмотность. Страна добилась значительных успехов в здравоохранении, образовании и культуре. И это происходило на фоне Великой депрессии и массовой безработицы в западных странах.

Жизнеспособность новой, более продуктивной системы была подвергнута серьёзным испытаниям в 1941–1945 годах, когда на территорию Советского Союза вторглась нацистская Германия, которая аккумулировала большую часть ресурсов Европы. Несмотря на 27 миллионов погибших граждан, СССР удалось победить Гитлера. За удивительно короткий промежуток времени страна восстановила разрушенное войной народное хозяйство и превратилась во вторую мировую державу.

За пятьдесят лет Советский Союз увеличил валовый внутренний продукт в девять раз. Несмотря на масштабный урон, понесённый в Великой Отечественной войне, Советское государство с 1945 по 1979 годы увеличило ВВП в пять раз. В 1950 году ВВП СССР составлял всего 33 процента от ВВП Соединённых Штатов, в 1979 году – уже 58 процентов. К концу 1970-х годов Советский Союз был грозной промышленной державой, которая в абсолютном выражении уже обогнала прочие страны по целому ряду важнейших показателей. Так, СССР

⁴ Nove A. An Economic History of the USSR. 3rd ed. London: Penguin Books, 1992. P. 438.

занимал второе место в мире по промышленному производству и был крупнейшим производителем нефти, стали, цемента, асбеста, тракторов и многочисленных станков.

Из отсталой, полуфеодальной, преимущественно неграмотной страны на момент 1917 года СССР превратился в современную развитую экономику, в которой работала четвёртая часть всех учёных мира, – экономику, в которой системы здравоохранения и образования ничем не уступали таковым в зарубежных странах, а порой и превосходили их, – экономику, которая смогла запустить в небо первый искусственный спутник Земли и отправить человека в первый космический полёт. В 1980-х годах в Советском Союзе было больше учёных, чем в США, Японии, Великобритании и Германии, вместе взятых. Только недавно Запад был вынужден нехотя признать, что советская космическая программа намного опережала американскую. Тот факт, что Западу по-прежнему приходится использовать российские ракеты для космических стартов, может служить достаточным тому подтверждением.

Поразительные успехи Советского Союза должны заставить нас задуматься. Можно сочувствовать идеалам большевистской революции или противостоять им, но столь впечатляющее преобразование общества за сравнительно короткий промежуток времени не может ускользнуть от внимания всех мыслящих людей.

Величайшее событие в истории

Как связаны между собой Октябрьская революция и последовавший за ней эксперимент грандиозный эксперимент по созданию плановой экономики? Какие последствия это имеет для будущего человечества? Какие выводы необходимо сделать современному поколению? Первое соображение, которое должно высказаться по этому поводу, может показаться самоочевидным. Независимо от того, поддерживает человек Октябрьскую революцию или нет, он не может сомневаться в том, что это событие беспрецедентным образом изменило мировую историю. Большевистская революция определила ход всего двадцатого столетия. Этот факт признают даже самые реакционные комментаторы и противники идей Великого Октября.

Враги социализма с пренебрежением ответят, что эксперимент закончился неудачей. Мы же ответим словами выдающегося философа Бенедикта Спинозы: не плакать, не смеяться, но понимать. Однако тщетно искать во всех трудах буржуазных недоброжелателей социализма какое-либо серьёзное объяснение тому, что произошло в Советском Союзе. Вся их так называемая аналитика не имеет под собой ровным счётом никакого научного основания, поскольку мотивирована только слепой ненавистью и отражает интересы определённого класса.

С марксистской точки зрения большевистская революция была единственным величайшим событием в мировой истории. Почему? Потому что здесь впервые, если исключить героический, но трагический эпизод Парижской коммуны, массы свергли старый режим и приступили к решению великой задачи по социалистическому преобразованию общества. Не выродившаяся российская буржуазия, которая отправилась на свалку истории в октябре 1917 года, а именно национализированная плановая экономика – которая построила фабрики и заводы, дороги и школы, дала людям образование, воспитала блестящих учёных, создала армию, победившую Гитлера, и отправила первого человека в космос – открыла перед Россией дверь в современную эпоху.

Несмотря на преступления бюрократии, Советский Союз стремительно превратился из страны с отсталой, полуфеодальной экономикой в развитую современную индустриальную державу. Но в итоге бюрократия не удовлетворилась колоссальными богатствами и привилегиями, которые она получила благодаря разграблению Советского государства. Как и предсказывал Троцкий, бюрократия перешла в лагерь сторонников реставрации капитализма, превратившись из паразитической касты в правящий класс.

Ленин подчёркивал, что движение к социализму требует демократического контроля над промышленностью, обществом и государством со стороны пролетариата. Подлинный социализм несовместим с правлением привилегированной бюрократической элиты, неизбежными спутниками которой являются тотальная коррупция, кумовство, расточительность, бесхозяйственность и полный беспорядок. Национализированные плановые экономики Советского Союза и стран Восточной Европы, как мы видели, достигли поразительных успехов в развитии промышленности, здравоохранения, образования и науки. Но, как прогнозировал Троцкий ещё в 1936 году, бюрократический режим в конечном итоге подорвал национализированную плановую экономику и подготовил почву для её краха и возрождения капитализма.

Однако возвращение к капитализму было не шагом вперёд, а чудовищным регрессом для народов России и бывших советских республик. Оно привело к господству коррумпированной и выродившейся олигархии, а также к безработице, несметным богатствам одних на фоне тотальной бедности других, черносотенной реакции, расизму и антисемитизму, религиозному мракобесию, проституции, наркомании и прочим «благам» капитализма.

В настоящее время капиталистическому режиму удалось консолидироваться. Однако его сила иллюзорна. Российский капитализм, подобно избушке из русских сказок, построен на куриных ногах. Ахиллесовой пятой российского капитализма является то, что он прочно связан пуповиной с судьбой мирового капитализма. Он подвержен всем штормам и стрессам системы, которую сотрясают периодические кризисы. Это оказывает глубокое влияние на Россию как в экономическом, так и в политическом отношении.

Рано или поздно российские трудящиеся оправятся от последствий поражения и приступят к действиям. Когда это случится, они заново откроют для себя идеи подлинного большевизма и традиции Октябрьской революции. Таков единственный путь вперёд для трудящихся России и остального мира.

Я не хочу, чтобы эта книга стала просто очередным историческим трудом, предметом сугубо академического интереса. Я не хочу, чтобы её читали только ради любопытства или развлечения. Моя цель – донести до нового поколения участников классовой борьбы необходимую информацию о том, как строится настоящая революционная партия. Иначе говоря, настоящая книга – это не памятник прошлому, а руководство к действию для современных и будущих борцов за социальную справедливость.

Удалось ли мне достичь той цели? Приведу один абзац из довольно благоприятной рецензии, опубликованной в уважаемом британском журнале «Революционная история» (Revolutionary History):

«Что бы читатель ни думал о защите автором классической модели ленинской партии, было бы несправедливо не признавать авторитет этой книги. История большевистской партии содержит ценные уроки для современной борьбы за социализм, и Алан Вудс оказал услугу, сделав эту историю доступной для нового поколения борцов»⁵.

Итог вышесказанному таков. Большевизм – это не дела давно минувших дней. Это – будущее человечества. Это – дорога к революции.

А. Вудс. Лондон, 20 ноября 2019 г.

---

⁵ Rios A. The Road to Revolution (Review) // Revolutionary History. 2002. Vol. 8. № 2.

Часть 1

Рождение русского марксизма.

От пропаганды к агитации

Смерть самодержца

1 марта 1881 года вдоль Екатерининского канала в Санкт-Петербурге двигалась карета императора Александра II. Внезапно один молодой человек из числа прохожих бросил в неё предмет, внешне похожий на снежный ком. Последовавший за этим взрыв не достиг своей цели, и царь, целый и невредимый, вышел из кареты, чтобы перемолвиться с кем-то из раненых казаков. В этот момент второй террорист, Игнатий Гриневицкий, подался вперёд и со словами: «Слишком рано благодарить бога!» – бросил ещё одну бомбу к ногам самодержца. Бросок был роковым: через полтора часа Александр II скончался. Это была кульминация одного из самых удивительных периодов в революционной истории. То был период, в котором горстка преданной и героически настроенной молодёжи бросила вызов объединённой мощи Российской империи. Но этот успех террористов, устранивших ключевую фигуру с вершины ненавистного им самодержавия, в то же время нанёс смертельный удар по организовавшей покушение партии «Народная воля».

Феномен народничества в России (слово «народник» означает человека, сближающегося с народом) был следствием чрезвычайной запоздалости развития российского капитализма. Распад феодального общества заметно опережал формирование буржуазного класса. В этих условиях часть интеллигенции, прежде всего молодёжь, порвала с дворянством, бюрократией и духовенством и стала искать выход из социального тупика. Требовалось найти в обществе точку опоры. Вариант с незрелой и неразвитой буржуазией был исключён. А пролетариат, находившийся тогда в зародышевом состоянии, был неорганизован, малочисленен и политически неграмотен. На этом фоне выделялись миллионы крестьян, которые составляли безмолвное, угнетённое, задавленное большинство населения страны.

Вполне понятно, почему революционная интеллигенция обратилась к «народу» в лице крестьянства как к основной потенциальной революционной силе. Народничество восходит корнями к важнейшему поворотному моменту в истории России – к отмене крепостного права в 1861 году. Крестьянская реформа в России отнюдь не была результатом благосклонности и просвещённой снисходительности Александра II, как иногда её преподносят. Она вытекала из страха перед социальным взрывом после унижительного поражения России в катастрофической Крымской войне 1853–1856 годов, которая, как и более поздняя война с Японией, жёстко обличала царский режим. Не в первый и не в последний раз поражение в войне показало несостоятельность самодержавия, придав мощный импульс общественным изменениям. Однако Манифест об отмене крепостного права не решил ни одной проблемы и только ухудшил положение значительной массы крестьян. Помещики, разумеется, ретировались с лучшими земельными участками, оставив крестьянам самые бесплодные территории. Стратегические объекты – вода и мельницы – обычно находились в руках помещиков, которые вынуждали крестьян платить за доступ к ним. Что ещё хуже, «свободные» крестьяне были юридически привязаны к сельской общине – миру, – которая несла коллективную ответственность за взимание нало-

гов. Свободе передвижения мешала система внутренних паспортов. Сельская община, по сути, превратилась в «самую низкую ступень местной полицейской системы»⁶.

Положение усугублялось тем, что реформа разрешила помещикам отрезать и присваивать пятую часть (в редких случаях две пятых) земель, ранее возделываемых крестьянами. Они неизменно выбирали самые лучшие и доходные участки (леса, луга, водопои, пастбища, мельницы и т. д.), а «освобождённых» крестьян держали в ежовых рукавицах. В результате этого мошенничества число обнищавших и задолжавших крестьянских семей с каждым годом неуклонно росло.

Освобождение крестьян было примером реформы сверху для предотвращения революции снизу. Как и все важные реформы, она была побочным продуктом революции. Российская деревня сотрясалась от крестьянских восстаний. В последнее десятилетие правления Николая I произошло четыреста крестьянских бунтов, и такое же число беспорядков характеризовало следующие шесть лет (1855–1860). В промежутке между 1835 и 1854 годами было убито двести тридцать помещиков и управляющих имениями. Такая же участь постигла ещё 53-х человек за несколько лет до 1861 года. Манифест об отмене крепостного права был встречен новой волной беспорядков и восстаний, и они тоже были жестоко подавлены. Связанные с реформой надежды целого поколения прогрессивных мыслителей были безжалостно преданы итогом освобождения, которое на деле оказалось гигантским надувательством. Крестьяне, искренне верившие в то, что земля принадлежит им по праву, были всемерно обмануты. Они получали только те наделы, которые по согласованию с помещиком устанавливал закон, и должны были выкупить их в течение 49 лет в кредит под 6 процентов годовых. Как результат, помещики сохранили за собой 71,5 миллиона десятин земли, а крестьяне как самая многочисленная часть населения – только 33,7 миллиона десятин.

В последующие годы крестьяне, обречённые репрессивным законодательством на большую нищету и отягощённые долгом, предприняли ряд отчаянных местных восстаний. Но крестьянство на протяжении всей своей истории никогда не играло самостоятельной роли в обществе. Революционное движение, преисполненное мужества и готовое на самопожертвование, преуспевало в борьбе с угнетателями только тогда, когда руководство этим движением переходило к более сильному, однородному и сознательному классу, сосредоточенному в городах. В отсутствие этого фактора крестьянские жакерии⁷, начиная со Средневековья, неизбежно терпели сокрушительные поражения. Виной тому была разрозненность крестьянства, отсутствие его социальной сплочённости и нехватка классового сознания.

В России, где формы капиталистического производства находились ещё в зачаточном состоянии, в городах не существовало революционного класса. Между тем сословие *разночинцев*, состоящее в основном из обедневших студентов и интеллигентов (так называемый «интеллигентный пролетариат»), оказалось исключительно чутким к подпочвенным настроениям протеста, глубоко сокрытым в уголках размеренной жизни страны. Годы спустя террорист Ипполит Мышкин на суде заявил, что «движения интеллигенции не созданы искусственно, а составляют только отголосок народных волнений»⁸. Интеллигенция, как и крестьянство, никогда не играла самостоятельной общественной роли. Но она всегда была чутким барометром настроений и растущей социальной напряжённости.

В 1861 году, в тот самый год освобождения, великий русский публицист-демократ Александр Иванович Герцен из лондонского далёка призвал на страницах своей газеты «Колокол» идти «в народ». Аресты таких видных публицистов, как Николай Гаврилович Чернышев-

⁶ Pares B. A History of Russia. London: Jonathan Cape, 1947. P. 404.

⁷ Отсылка к многочисленным крестьянским восстаниям, имевшим место во Франции на закате Средних веков. Они всегда отличались особой жестокостью.

⁸ Речь И. Н. Мышкина // Государственные преступления в России в XIX веке / под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). СПб.: Донская речь, 1906. Т. 3. С. 273.

ский (чьи сочинения впечатлили Маркса и оказали большое влияние на поколение Ленина) и Дмитрий Иванович Писарев, свидетельствовали о крахе возможности мирных либеральных реформ. Всё это легло в основу массового революционного народнического движения, возникшего в конце 1860-х годов.

Кошмарные условия существования масс в пореформенной России вызвали у лучшей части интеллигенции гул возмущения и негодования. Аресты самых радикальных представителей демократического крыла, Писарева и Чернышевского, лишь усугубили отчуждение интеллигенции и сильнее качнули её в левую сторону. В то время как старшее поколение приспособилось к реакции, в университетах пробивалась новая поросль радикалов, один из представителей которых был увековечен Иваном Сергеевичем Тургеневым в образе Евгения Базарова в романе «Отцы и дети». Отличительным признаком нового поколения была неприязнь к мямленью презираемых им либералов. Молодёжь пылко верила только в идею глобального революционного переворота и радикального переустройства общества снизу доверху.

Спустя год после отмены крепостного права «царь-реформатор» перешёл к реакции. Началось давление на интеллигенцию. Университеты стали объектом гнетущей бдительности министра народного просвещения графа Дмитрия Толстого. Была введена система образования, направленная на удушение свободной мысли, воображения и творческих способностей. Сорок восемь часов в неделю в школах отводилось на изучение латинского языка, тридцать шесть часов – на изучение греческого, причём акцент делался на грамматику. Естествознание и история как потенциально опасные предметы исчезли из учебных планов. В образовательные заведения проник полицейский надзор: отныне за порядком следило суровое око школьного инспектора. Пьянящие дни «реформ» уступили место мрачным годам полицейского надзора и глухого конформизма. Переход к реакции усилило неудачное Польское восстание 1863 года. Революцию просто потопили в крови. Тысячи поляков погибли в боях, сотни – повешены в ходе репрессий. По воле жестокого графа М. Н. Муравьёва было повешено 128 человек, ещё примерно 9500 повстанцев были отправлены в ссылку. Общее число сосланных в Россию было в два раза больше. Пётр Кропоткин, будущий теоретик анархизма, а в молодости есаул в казачьем полку Русской императорской армии, стал свидетелем страданий польских ссыльных в Сибири.

«Я видел последних в Усть-Куте на Лене, – вспоминал он. – Полуголые, они стояли в балагане вокруг громадного котла и мешали кипевший густой рассол длинными вёслами. В балагане жара была адская; но через широкие раскрытые двери дул леденящий сквозняк, чтобы помогать испарению рассола. В два года работы при подобных условиях мученики умирали от чахотки»⁹.

Семена нового революционного подъёма быстро проросли в условиях вечной реакционной мерзлоты. Жизнь князя Кропоткина – наглядный пример того, что ветер сначала качает верхушки деревьев. Пётр Алексеевич родился в аристократической семье, учился в Пажеском корпусе и, как многие из его современников, впечатлился ужасными страданиями масс, сделав для себя революционные выводы. Будучи проницательным учёным, Кропоткин ярко живописует в своих мемуарах политическую эволюцию целого поколения:

«Но какое право имел я на все эти высшие радости, когда вокруг меня гнетущая нищета и мучительная борьба за чёрствый кусок хлеба? Когда всё, истраченное мною, чтобы жить в мире высоких душевных движений,

⁹ Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. С. 200.

неизбежно должно быть вырвано изо рта сеющих пшеницу для других и не имеющих достаточно чёрного хлеба для собственных детей?»¹⁰

Хладнокровная жестокость по отношению к полякам показала другое лицо «царя-реформатора» – человека, который, по словам Кропоткина, «подписывал самые реакционные указы, а потом приходил в отчаяние по поводу их»¹¹. Коррупцированная, выродившаяся система самодержавия, деспотическая бюрократия, всепроникающий смрад религиозной мистики и мракобесия пробудили живые общественные силы к восстанию. «Горек хлеб, возделанный рабами», – писал Николай Алексеевич Некрасов. Восстание против рабства стимулировало революционно настроенных студентов на поиски выхода из положения. Они хорошо усвоили лозунг Герцена: «В народ!» Эти слова Александра Ивановича оставили в душах мужественной и преданной молодёжи неизгладимое впечатление: «В народ! к народу! – вот ваше место, изгнанники науки, покажите... что из вас выйдут не *подьячие*, а воины, но не безродные наёмники, а воины народа русского!»¹²

«Хождение в народ»

Это движение, в которое влилась в основном дворянская молодёжь, было, с одной стороны, наивным и беспорядочным, а с другой – храбрым и в высшей степени самоотверженным. Оно оставило бесценное наследие для будущих поколений. Критикуя утопический характер программы народников, Ленин всегда отдавал щедрую дань уважения революционной доблести их ранних представителей. Владимир Ильич понимал, что марксистское движение в России выросло на костях этих мучеников, которые по собственной воле променяли богатство и мирские удобства на тюрьмы, ссылки и постоянную угрозу смерти в борьбе за лучший мир. Весьма показательным, что теоретическая путаница предугадывалась в этом движении с самого начала. Отсутствие сильного рабочего класса, недостаток каких-либо чётких традиций или моделей из прошлого для освещения пути, мрак цензуры, которая закрыла доступ к большинству сочинений Карла Маркса, – всё это лишило молодых русских революционеров возможности понять истинную природу общественных процессов.

Для большинства молодёжи Маркс был «просто экономистом»; в то же время доктрина Бакунина, полная «страсти к разрушению», а также его призывы к прямым действиям, казалось, больше соответствовали духу поколения, уставшего от слов и жаждущего осязаемых результатов. В своих мемуарах Павел Аксельрод вспоминает, как идеи Бакунина с поразительной простотой захватили умы радикальной молодёжи¹³. Народ, учил Бакунин, есть революционер и социалист по инстинкту. Крестьянские восстания, к примеру восстание Пугачёва, а также выступления разбойников считались хорошим примером для подражания. Студентам, по мнению Бакунина, для разжигания всеобщего бунта требовалось просто пойти в деревни и поднять там знамя революции. Местные восстания должны были раздуть масштабный пожар, что привело бы к краху существующего общественного порядка.

В этом замечательном отрывке Троцкий ярко воссоздаёт настроение юных первопроходцев:

«Молодые люди, главным образом бывшие студенты, общей численностью около тысячи человек понесли социалистическую пропаганду во все уголки страны, особенно в низовья Волги, словно продолжая дело Разина и

---

¹⁰ Там же. С. 218.

¹¹ Там же. С. 221.

¹² Герцен А. И. Исполин просыпается! // Колокол. № 110 (1 ноября 1861). С. 918.

¹³ См.: Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. С. 111–112.

Пугачёва¹⁴. Будучи подлинной колыбелью русской революции, это движение, поражающее своим размахом и юношеским идеализмом, отличалось, как и подобает колыбельному возрасту, своей наивностью. У пропагандистов не было ни руководящей организации, ни чёткой программы; давала о себе знать и нехватка конспиративного опыта. Да и зачем? Эти молодые люди, порвав со своими семьями и школами, не имея ни профессии, ни личных связей, ни обязательств, не испытывая страха перед земными и небесными силами, казалось, считали самих себя живой кристаллизацией народного восстания. Конституция? Парламентаризм? Политическая свобода? Нет, они не клюнут на эти западные приманки. Их цель – масштабная революция без ограничений и промежуточных этапов»¹⁵.

Летом 1874 года сотни молодых людей из высших и средних слоёв общества двинулись в деревни, преисполненные идеей пробудить крестьянство к революции. Павел Аксельрод, один из будущих основоположников русского марксизма, вспоминает коренную ломку, осуществлённую этими молодыми бунтарями в дворянском укладе:

«Наша программа гласила: кто хочет работать для народа, тот должен покинуть университет, оставить своё привилегированное положение, свою семью и повернуться спиной даже к науке и искусствам. Должны быть порваны все узы, связывающие его с высшим обществом, должно сжечь за собой все корабли, словом, добровольно отрезать себе всякий путь к отступлению. Пропагандист должен, так сказать, всё своё внутреннее существо преобразовать, чтобы чувствовать себя заодно с самыми низшими слоями народа, и не только идейно, но и в повседневной жизни»¹⁶.

Эти бесстрашные молодые люди следовали только одной программе: они искали дорогу к «народу». Одетые в ветхую рабочую одежду, купленную с рук, и сжимая в руках фальшивые паспорта, они ходили по деревням, стремясь отыскать ремесло, которое позволило бы им жить и работать неприметно. Ношение крестьянской одежды было далеко не наигранным жестом, как может показаться на первый взгляд.

«Пропась, отделяющая в России “барина” от мужика, – говорит Кропоткин, – так глубока, они так редко приходят в соприкосновение, что появление в деревне человека, одетого “по-господски”, возбуждало бы всеобщее внимание. Но даже и в городе полиция немедленно бы насторожилась, если бы заметила среди рабочих человека, не похожего на них по платью и разговору»¹⁷.

К несчастью, в основе этого поразительного революционного духа лежали совершенно несостоятельные теории. Мистическая идея «особого русского пути к социализму», гласящая, что можно перескочить из феодального варварства к бесклассовому обществу, минуя фазу

---

¹⁴ Емельян Пугачёв – донской казак, предводитель восстания казаков и крестьян против дворянства в 1773 году, в период царствования Екатерины II. Первоначально восстание увенчалось успехом: были захвачены обширные земли и несколько имперских крепостей. Повстанцы взяли Казань и имели шансы взять Москву, однако, несмотря на беспорядки, вспыхнувшие в ряде городов, крестьянское восстание не смогло объединиться с городскими массами против общего врага – дворянства и самодержавия. Хотя мятежники провозгласили отмену крепостного права, им не хватало последовательной политической программы, способной создать широкое революционное движение масс. Эта роковая слабость вкупе с провинциальными тенденциями и отсутствием руководства и дисциплины в конечном счёте погубили восставших. Бунт был подавлен, а Пугачёва казнили в Москве в январе 1775 года.

¹⁵ Trotsky L. The Young Lenin. London: Doubleday, 1972. P. 28.

¹⁶ Аксельрод П. Б. Рабочий класс и революционное движение в России. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1907. С. 98.

¹⁷ Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. С. 292.

капитализма, стала причиной бесконечного ряда ошибок и трагедий. Ложная теория неизбежно приводит к катастрофе на практике. Народников вдохновлял революционный волюнтаризм – идея о том, что успех революции зависит от железной воли и решимости узкого круга энтузиастов. Субъективный фактор¹⁸, конечно, играет немаловажную роль в истории человечества. Карл Маркс учил, что люди сами творят свою историю, но делают это в соответствии с общественно-экономическими законами, не зависящими от воли и сознания индивидов.

Попытки теоретиков народничества подтвердить «особый исторический путь» России, отличный от такового в Западной Европе, неизбежно привели их к философскому идеализму и мистическому представлению о крестьянстве. Теоретическая путаница Бакунина, отразившая только-только зарождающиеся в России классовые отношения, нашла поддержку в среде народников, которые пытались идеологически оправдать свои смутные революционные стремления.

Переверачивая всё с ног на голову, Бакунин изображает мир – основную единицу царского режима в деревне – как врага государства. Всё, что требуется от революционеров, – пойти в деревню и настроить «революционных по инстинкту» российских крестьян против государства. Проблему, стало быть, можно решить, не прибегая к «политике» и какой-либо форме партийной организации. Цель состояла не в том, чтобы бороться за демократические требования (ведь демократия есть форма государства, а значит, выражение тирании), а в том, чтобы полностью свергнуть государство и заменить его федерацией местных общин на основе мира, очищенного от реакционной шелухи.

Противоречия этой теории стали очевидными, когда народники попытались претворить её в жизнь. Революционные призывы студентов были встречены крестьянами с угрюмым подозрением и враждебностью. Крестьяне часто выдавали вновь прибывших пропагандистов властям.

Андрей Желябов, один из будущих вождей партии «Народная воля», образно сравнил отчаянные усилия народников оказать влияние на крестьян с «рыбой, бьющейся об лёд»¹⁹. Несмотря на ужасное притеснение и эксплуатацию, русский мужик, считающий, что «тело – государево, душа – божья, а спина – барская», оказался невосприимчив к революционным призывам народников. Интеллигенцию, как отмечает один из участников движения Владимир Дебогорий-Мокриевич, ждало потрясение и разочарование:

«Слепая вера в близость русской революции мешала нам сознать, что народ наш далеко не так революционно настроен, как нам того хотелось. Другое явление, бросавшееся в глаза, было повсеместное желание крестьян подушного передела земли, и на это явление мы обратили самое серьёзное внимание. <...> Большинство ожидало, что это случится как-то сразу: прикажет царь, придут землемеры и поделят между всеми. <...> По представлению крестьян, царь уже давно осуществил бы это, если бы ему не противились паны и чиновники – исконные враги крестьян, а вместе с тем и царя»²⁰.

Наивные попытки сойти за крестьян, вспоминает Дебогорий-Мокриевич, часто имели свою трагикомическую сторону:

¹⁸ Субъективным фактором марксисты называют сознательный фактор – действия людей, направленные на изменение их жизни и судеб, в отличие от установленных общественным развитием объективных условий, создающих почву для сознательных действий. В более узком смысле субъективный фактор связывается с ролью революционной партии (и её руководством) в борьбе за социалистическое преобразование общества.

¹⁹ См.: Литература социально-революционной партии «Народной воли». Лейпциг: Тип. партии с.-р., 1905. С. 9.

²⁰ Дебогорий-Мокриевич В. К. Воспоминания. Париж: Impr. J. Allemane, 1894. С. 71–73. – Курсив А. В.

«Крестьяне крайне неохотно пускали нас к себе на ночь, так как наша сильно поношенная, почти оборванная одежда явно возбуждала у них подозрения. Надо сознаться, что этого мы менее всего ожидали, когда отправлялись в наше путешествие под видом рабочих»²¹.

Голодные, замёрзшие и усталые, народники ночевали под открытым небом. Их ноги кро-
воточили от долгих переходов в дешёвой обуви. Народнический дух разбился о неприступ-
ную стену крестьянского безразличия. Со временем те, кто избежал ареста, разочарованные и
опустошённые, неизменно поворачивали назад и возвращались в города. «Хождению в народ»
положила конец волна арестов: только в 1874 году их было более семисот. Поражение стоило
народникам слишком дорого. Но героические и пламенные речи, произнесённые революцио-
нерами со скамьи подсудимых, тотчас разожгли новое движение.

Народники присягали «народу» в каждом предложении. Между тем они были полностью
оторваны от крестьянских масс, которых они боготворили. В действительности всё движение
сосредоточилось в руках интеллигенции.

*«Преклонение народников перед крестьянами и общиной, – пишет
Троцкий, – было зеркальным отражением грандиозных претензий
“интеллигентного пролетариата” на роль важнейшего, если не единственно
возможного инструмента прогресса. Вся история русской интеллигенции
есть движение между двумя полюсами – гордостью и самопожертвованием, –
которые суть короткая и длинная тень от их социальной слабости»²².*

Но эта социальная слабость интеллигенции лишь отражала неразвитость классовых отно-
шений в российском обществе. Бурное развитие промышленности и создание мощного город-
ского рабочего класса в результате массового притока иностранного капитала в 1890-х годах
пока ещё было музыкой отдалённого будущего. Опираясь на свои собственные ресурсы, рево-
люционная интеллигенция искала спасение в теории «особого пути России к социализму»,
основанной на характерной для мира общей собственности.

---

²¹ Там же. С. 74.

²² Trotsky L. The Young Lenin. London: Doubleday, 1972. P. 25. – Курсив А. В.

Андрей Желябов, один из руководителей «Народной воли»

Представления о партизанской борьбе и индивидуальном терроре, недавно ставшие модными в определённых кругах, в карикатурном виде повторяют устаревшие идеи российских народников и террористов. Подобно последним, они пытаются заручиться в странах третьего мира поддержкой крестьянства, люмпен-пролетариата – кого угодно, только не пролетариата. Такого рода идеи не имеют ничего общего с марксизмом. Маркс и Энгельс объясняли, что единственным классом, способным совершить социалистическую революцию и установить здоровое государство рабочих на пути к бесклассовому обществу, является рабочий класс. И это неслучайно. Только рабочий класс, *в силу той роли, которую он играет в обществе и про-*

изводстве, особенно в масштабном промышленном производстве, обладает потенциальным социалистическим классовым сознанием. Неспроста классические методы борьбы пролетариата – забастовки, демонстрации, линии пикета, всеобщие стачки – основаны на *коллективном действии масс*.

Напротив, главный принцип всякого иного общественного класса – индивидуализм, присущий мелкому и крупному собственнику и эксплуататору труда. Не принимая во внимание буржуазию, враждебное отношение которой к социализму есть первое условие её существования, можно говорить о «среднем классе», в том числе о крестьянстве. «Средний класс» – это такой общественный слой, которому труднее всего приобрести социалистическое сознание. Верхушку этого слоя составляют зажиточные крестьяне, адвокаты, врачи и депутаты, стоящие близко к буржуазии. В то же время сознательность бедных безземельных крестьян в России всегда сильно отставала от таковой у его городских собратьев. Единственное желание безземельного крестьянина – стать обладателем земли, то есть превратиться в мелкого собственника. Индивидуальный террор и партизанская борьба, представленные во всём их многообразии, – это методы буржуазии, в том числе крестьянской, а также представителей студенчества, интеллигенции и люмпен-пролетариата. Верно, что при определённых условиях, особенно в современную эпоху, масса бедных крестьян может успешно бороться за идею коллективной собственности, как, например, в Испании в 1936 году. Но необходимое условие для такого развития – революционное движение рабочего класса в городах. В России рабочий класс пришёл к власти, мобилизовав бедных крестьян не социалистическими призывами, а лозунгом «Землю – крестьянам!». Этот факт наглядно показывает, как далеки были крестьяне в России от социалистического сознания даже в 1917 году.

Народникам, лишённым прочной теоретической основы и весьма туманно и бесструктурно понимавшим классовые отношения (пример тому – понятие «народ»), марксистский аргумент о ведущей роли пролетариата представлялся мелочным педантизмом. Мол, при чём здесь рабочий класс? Очевидно же, что Маркс и Энгельс не понимали особого пути России! Как только народники обратили внимание на городской пролетариат, они расценили его положение как «отклонение от нормы», а самих рабочих – как «крестьян на производстве», которые могут играть лишь вспомогательную роль. Как показали последующие события, в действительном отношении революционных классовых сил всё было с точностью до наоборот.

Парадоксально, но, несмотря на все предубеждения народников, единственными людьми, до которых революционеры смогли достучаться, оказались «городские крестьяне» – проще говоря, заводские и фабричные рабочие. Подобно современным партизанам, сторонники «Земли и воли» вербовали заводских и фабричных рабочих и направляли их в сельскую местность. Плеханов, прежде чем он стал марксистом, принимал участие в такого рода деятельности, сделав для себя некоторые выводы.

«Проработав в городе несколько лет, – пишет Георгий Валентинович, – он [фабричный рабочий] уже плохо чувствовал себя в деревне и неохотно возвращался в неё... Причина была всегда одна и та же: деревенские нравы и порядки становились невыносимыми для человека, личность которого начинала хоть немного развиваться. <...>

Это были испытанные люди, – продолжает Плеханов, – искренно преданные народническим идеалам и глубоко проникнутые народническими взглядами. Но попытки их устроиться в деревне не привели ни к чему. Побродив по деревням с целью высмотреть подходящее место для своего поселения (причём некоторые из них были приняты за немцев), они махнули рукой на это дело и кончили тем, что вернулись в Саратов, где завели сношения с местными рабочими. Как ни удивляла нас эта отчуждённость от “народа” его

городских детей, но факт был налицо, и мы должны были оставить мысль о привлечении рабочих к собственно крестьянскому делу»²³.

В теории народников городской рабочий был дальше от социализма, чем крестьянин. Так, один из народников, отвечающий за организацию дела среди рабочих Одессы, жаловался, что «заводское население, испорченное городской жизнью, не сознающее своей связи с крестьянством, не так восприимчиво к пропаганде социализма»²⁴. Как бы то ни было, народники фактически провели работу среди рабочих и получили важные результаты. Инициатором этой первопроходческой деятельности был Николай Васильевич Чайковский. Его группа создала пропагандистские кружки в рабочих районах Петербурга, а Кропоткин стал одним из пропагандистов. Действительность вынудила часть народников впервые столкнуться лицом к лицу с «рабочим вопросом», который изгонялся теорией Бакунина через парадную дверь, но неизменно возвращался обратно через чёрный ход. Даже в период своей юности рабочий класс России, несмотря на свою немногочисленность, накладывал отпечаток на революционное движение.

Отношение рабочих к «молодым господам» было поучительным. Петербургский рабочий И. А. Бачин вразумлял, что «от студентов следует брать книги, а если они будут учить вздору, то их следует бить»²⁵. Это был, по-видимому, тот самый «Б – н», о котором писал Плеханов, вспоминая нежелание рабочих идти в деревню. Бачин был арестован в сентябре 1874 года, а после освобождения, в 1876 году, он сказал Плеханову: «[Я] по-прежнему готов заниматься пропагандой между рабочими, но в деревню никогда и ни за что не пойду. Незачем. Крестьяне – бараны, они никогда не поймут революционеров»²⁶.

В то время как народническая интеллигенция решала проблемы грядущей революции, в городах появлялись первые ростки классового сознания. Освобождение крепостных представляло собой коллективный акт насилия против крестьян в интересах развития капитализма в сельском хозяйстве. Помещики, объяснял Ленин, занимались, по сути, «чисткой земель» (clearing of estates) для капитализма, ускоряя процесс внутреннего разделения путём закрепления класса зажиточных крестьян (кулаков) сверху и массы обедневших крестьян снизу. Чтобы избежать нищеты деревенской жизни, бедные крестьяне активно подавались в города в поисках работы. В период 1865–1890 годов число заводских рабочих выросло на 65 процентов, а число рабочих, занятых в горной промышленности, – на 106 процентов.

Промышленность особенно бурно развивалась в 1870-х годах. В период с 1869 по 1881 годы население Санкт-Петербурга выросло с 668 тысяч до 928 тысяч человек. Вырванное из крестьянского окружения и брошенное в кипящий котёл заводской и фабричной жизни, сознание рабочих стремительно преобразилось. Полицейские отчёты свидетельствовали о растущем недовольстве и смелости рабочей силы. «Прежние подчас грубые отношения хозяина завода стали для рабочих невыносимы, – читаем в одном из отчётов. – Рабочие, видимо, сознали, что завод без рук немыслим, что хотя они и кормятся им, но что вместе с тем и он без них ничто». Прочитав этот отчёт, Александр II написал на полях: «Весьма грустно!»²⁷

Рост трудовых волнений привёл к созданию первых организованных групп рабочих. «Южнороссийский союз рабочих» был основан Евгением Осиповичем Заславским (1844–1878). Выходец из дворянской, но бедствующей семьи, он «ходил в народ» в 1872–1873 годах, убедился в бесполезности этой тактики и начал пропагандистскую работу среди рабочих

²³ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении // Соч.: В 24 т. М.: Госиздат, 1928. Т. 3. С. 135–136.

²⁴ Лавров П. Л. Народники-пропагандисты 1873–1878 годов. СПб.: Тип. т-ва Андерсона и Лойцянского, 1907. С. 217.

²⁵ Цит. по: Голосов Г. К биографии одного из основателей «Северно-русского рабочего союза» (И. А. Бачин и его драма) // Каторга и ссылка. 1924. № 6 (13). С. 53.

²⁶ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении // Соч.: В 24 т. М.: Госиздат, 1928. Т. 3. С. 135.

²⁷ Цит. по: Левин Ш. М. Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х годов // Каторга и ссылка. 1929. № 12 (61). С. 26–27.

Одессы. Из этих немногочисленных кружков с еженедельными встречами родился «Союз». В его уставе отмечалось, что «рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основой личного и общественного благосостояния»²⁸. Влияние «Союза» быстро росло, но в декабре 1875 года его вожди были арестованы и приговорены к каторжным работам. Сам Заславский был приговорён к десяти годам каторги. В условиях лишения свободы он подорвал своё здоровье, стал увядать и умер в тюрьме от чахотки.

Более крепким оказался «Северно-русский рабочий союз», нелегально созданный осенью 1877 года во главе с В. П. Обнорским и С. Н. Халтуриным. Виктор Обнорский, сын отставного сержанта, трудился кузнецом, потом слесарем. Работая на заводах Санкт-Петербурга, он принимал участие в рабочих кружках. Когда над ним нависла угроза ареста, ему пришлось бежать в Одессу, где он установил контакт с «Союзом» Заславского. Плавал за границу, где попал под влияние идей немецкой социал-демократии. Вернувшись в Петербург, он сошёлся с П. Л. Лавровым и П. Б. Аксельродом, светочами народнического движения. Степан Халтурин был важной фигурой в революционном движении конца 1870-х годов. Подобно Обнорскому, он, работая кузнецом и слесарем, примкнул к группе Чайковского, где занялся пропагандой. В серии очерков о рабочих-революционерах Плеханов так увековечил образ Халтурина:

«Пока он был легальным, он даже охотно селился по соседству со студентами и искал их знакомства, заимствуясь у них книгами и всякого рода сведениями. Нередко за полночь засиживался он у таких соседей. Но и там он мало высказывался. Придёт и поднимет разговор на какую-нибудь теоретическую тему. Хозяин оживится, обрадованный случаем просветить тёмного рабочего человека, говорит долго, вразумительно и по возможности “популярно”, а Степан слушает, лишь изредка вставляя своё слово и внимательно, несколько исподлбья, поглядывая на собеседника своими умными глазами, в которых по временам появляется выражение добродушной насмешки. В его отношении к студентам всегда была некоторая доля юмора, пожалуй, даже иронии... К рабочим он относился совсем иначе... В рабочих видел он самых надёжных, прирождённых революционеров и ухаживал за ними, как заботливая нянька: учил, доставал книги, “определял к местам”, мирил ссорившихся, журил виноватых. Его очень любили товарищи. Он знал это и платил им ещё большей любовью. При всём том, не думаю, чтобы и в обращении с ними его покидала привычная сдержанность... Но на кружковых рабочих собраниях он говорил редко и неохотно... Между петербургскими рабочими были люди, не менее его знавшие и способные, были люди, больше его выдавшие на своём веку, пожившие за границей. Тайна огромного влияния, своего рода диктатуры Степана заключалась в неутомимом внимании его ко всякому делу. Ещё задолго до сходки он переговорит со всеми, ознакомится с общим настроением, обдумает вопрос со всех сторон и потому, естественно, оказывается наилучше подготовленным. Он выражал общее настроение»²⁹.

Халтурин был ярчайшим представителем того типа рабочих-пропагандистов, которые действовали в кружках первого периода российского рабочего движения. В последующий период он был вовлечён в террористическую деятельность, организовав эффектное покушение на жизнь царя.

²⁸ Цит. по: Итенберг Б. С. Южнороссийский союз рабочих. Возникновение и деятельность. М.: Мысль, 1974. С. 206.

²⁹ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении // Соч.: В 24 т. М.: Госиздат, 1928. Т. 3. С. 195–196.

«Земля и воля»

Тем временем остатки народнического движения пытались перегруппировать свои силы в городах под новым лозунгом. В 1876 году Марк и Ольга Натансон, Александр Михайлов и Георгий Плеханов создали «Землю и волю». Новая подпольная организация состояла из «основного кружка» и «комиссии» («администрации») с очень узким кругом избираемых членов. Этим органам подчинялись специальные группы: крестьянская группа, рабочая группа, студенческая группа и так называемая дезорганизаторская группа – боевое крыло для «защиты от произвола чиновников». Программа «Земли и воли» опиралась на смутную идею о «крестьянском социализме», в основе которой лежало требование о передаче земли крестьянам и о предоставлении всем народам Российской империи права на самоопределение. В России также предполагалось введение полного общинного самоуправления. Всё это, однако, подчинялось главной цели – революционному свержению самодержавия, и «притом возможно скорейшему». Крайняя спешка объяснялась развитием капитализма, который угрожал разрушением крестьянской общины (мира). Стало быть, именно народники явились родоначальниками представления о «социализме в одной стране». Стремясь освободить общество от ужасов капитализма, они поддерживали идею об «особом историческом пути развития России», считая российское крестьянство и его социальные институты неповторимыми.

6 декабря 1876 года без малого пятьсот человек, главным образом студенты, организовали нелегальную демонстрацию возле Казанского собора. Участники манифестации скандировали лозунги «Земля и воля!» и «Да здравствует социалистическая революция!». На демонстрации выступил 21-летний студент Георгий Плеханов, революционная речь которого положила начало его многолетнему изгнанию и подпольной жизни. Георгий Валентинович Плеханов родился в 1856 году в мелкопоместной дворянской семье из Тамбовской губернии. Как и многие его сверстники, первый опыт он получил из трудов великой школы демократических писателей: Белинского, Добролюбова и особенно Чернышевского. Ещё юношей он присоединился к народническому движению, принимая участие в опасных заданиях, в том числе в освобождении арестованных товарищей и даже в ликвидации провокатора. Его несколько раз арестовывали, но он всегда ухитрялся сбежать из-под стражи.

Произнеся смелую речь, Плеханов был вынужден бежать за границу, между тем его авторитет был настолько высок, что его избрали, пока он отсутствовал, членом «основного кружка» «Земли и воли». Вернувшись в Россию в 1877 году, будущий основоположник русского марксизма перешёл на рискованное подпольное положение. Вооружившись ножом и пистолетом, которые он по ночам всегда держал под подушкой, Плеханов прибыл сначала в Саратов, в низовья Волги, где затем был поставлен во главе рабочей группы «Земли и воли». Работа рука об руку с фабрично-заводскими рабочими наложила глубокий отпечаток на его взгляды, что, несомненно, помогло ему порвать с предубеждениями народников и отыскать дорогу к марксизму.

В декабре 1877 года взрыв, прогремевший на патронном заводе Васильевского острова, унёс жизни шести рабочих; было много раненых. Похороны рабочих превратились в демонстрацию. Плеханов написал прокламацию, которая заканчивалась словами:

*«Рабочие! Пора вам самим взяться за ум: помощи ждать вам не от кого!
Не дождётесь вы её от начальства! Долго ждало помощи от него крестьянство
и дождалось кочек да болот, да податей ещё тяжелее, ещё больше прежнего!
<...> Долго ли ещё будешь терпеть ты, рабочий народ?»³⁰*

³⁰ Плеханов Г. В. Рабочим патронного завода // Литературное наследие Г. В. Плеханова. М.: Соцэкгиз, 1934. Сб. I. С. 381.

Автор дождался ответа намного раньше, чем мог на то надеяться. Экономический бум, вызванный итогом Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, создал условия для беспрецедентного стачечного взрыва во главе с наиболее угнетённой и эксплуатируемой частью рабочего класса – текстильщиками. Ещё не раз текстильщики как самые подавленные и нестабильные рабочие будут реагировать в подобных ситуациях быстрее, чем большие батальоны металлопромышленности. Рабочие при посредстве отдельных рабочих-революционеров обратились за помощью к «студентам».

Плеханов как глава рабочей группы «Земли и воли» фактически получил контроль над этим движением. К сожалению, народники не представляли, что делать с рабочим движением, которое вообще не вписывалось в их представление о мироздании. За два года в Санкт-Петербурге произошло двадцать шесть стачек. Только в 1890-х годах Россия увидит забастовки такого масштаба. Члены «Северно-русского рабочего союза» играли видную роль в этих забастовках. К началу 1879 года волнения достигли своего апогея: в них участвовали двести рабочих-организаторов, и ещё столько же человек, тщательно распределённых по различным фабрикам и заводам, находились в резерве. Все они были связаны с центральным органом. Кружки рабочих даже имели библиотеку, книги из которой тщательно образом распределялись между подпольными группами и широко использовались даже за пределами «Союза». Изобретательный Халтурин основал подпольную типографию. Обнорский заключил соглашения с рабочими группами в Варшаве, и это, как удовлетворённо отмечал Плеханов, «был едва ли не первый пример дружеских сношений русских рабочих с польскими»³¹.

Но через несколько месяцев после выхода первого номера нелегальной газеты «Рабочая заря» полиция разгромила типографию «Союза», а большую часть членов этой организации – в результате волны арестов – ждала либо каторга, либо тюрьма, либо изгнание. Результат крушения первой крепкой рабочей организации был катастрофическим. Халтурин сотоварищи сделали пессимистические выводы и повернулись к терроризму. Исправление террористической ошибки далось ценой бесчисленных напрасных жертв и отняло у движения целое десятилетие.

С самого начала революционное движение в России раздирала полемика между «пропагандистами» и «бунтарями» – двумя линиями, истоки которых прослеживались во взглядах Лаврова и Бакунина соответственно. Неудачи «хождения в народ» привели две эти линии к точке полного открытого разрыва. В 1874–1875 годах в России появились тысячи политических заключённых – молодых людей, заплативших за неповиновение ценой свободы. Некоторые из них были затем освобождены под залог и находились под наблюдением. Другие административным предписанием были сосланы в Сибирь. Остальные просто сгнили в тюрьме в ожидании суда. Некоторые из тех, кто остался на свободе и продолжал политическую активность, решили вернуться в деревни в качестве школьных учителей и врачей, полностью посвятив себя скромному преподавательскому труду в ожидании лучших времён. Иные же, осознав ложность теории Бакунина о «инстинктивно революционном крестьянстве», стали искать другую дорогу.

«Земля и воля» никогда не была массовой организацией. Несколько десятков человек, в основном студенты в возрасте от двадцати до тридцати лет, – таков был её активный состав. Но семена распада были посеяны в ней в самого начала. Последователи Лаврова стремились «раскрыть людям глаза» путём пропаганды. В народе нужно пробуждать не чувство, а сознание, утверждал Пётр Лавров³². Неудачные попытки организовать массовое движение крестьянства при помощи пропаганды положили начало новой теории, которая перевернула бакунизм с ног на голову. Часть народников совершила поворот на сто восемьдесят градусов, перейдя от «отрицания политики» и политических организаций к тайной и высокоцентрализованной

³¹ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении // Соч.: В 24 т. М.: Госиздат, 1928. Т. 3. С. 186.

³² См.: Прибылёва-Корба А. П., Фигнер В. Н. А. Д. Михайлов. Л., М.: Госиздат, 1925. С. 90.

террористической организации «Народная воля», которая была создана специально для того, чтобы «пропагандой действия» пробудить революционное движение масс.

Военные унижения царской России в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов вновь показали несостоятельность текущего режима и дали свежий глоток воздуха оппозиции. Вожди «Народной воли» решили вести войну против самодержавия в своего рода террористическом поединке, который должен был «сверху» разжечь пламя восстания. Часть молодёжи просто сгорала от нетерпения. Андрей Желябов, будущий лидер «Народной воли», подытожил это следующими словами в диалоге с П. И. Семенютой³³:

– История движется ужасно тихо, – говорил Желябов, – надо её подталкивать. Иначе вырождение нации наступит раньше, чем опомнятся либералы и возьмутся за дело.

– А как насчёт конституции? – вопрошал Семенюта.

– И конституция пригодится.

– Что же ты предпочитаешь: верить в конституцию или подталкивать историю?

– Не язви. Теперь больше возлагается надежд на «подталкивание».

Эти несколько строк проводят резкую грань между терроризмом и либерализмом. Террористы не имели собственной программы. Они переняли свои идеи у либералов, которые, опираясь на эти соображения, требовали совсем иного.

Осенью 1877 года без малого двести молодых людей предстали перед судом над участниками «хождения в народ». В ожидании суда они провели в тюрьме три года, и это время было отмечено многочисленными случаями жестокого обращения с заключёнными со стороны надзирателей и должностных лиц. Систематическая жестокость, пытки и оскорбления, перенесённые узниками, лишали революционеров последней капли терпения. Широкое возмущение вызвал дикий случай, произошедший в июле 1877 года. Когда генерал Ф. Ф. Трепов, печально известный обер-полицмейстер и петербургский градоначальник, посетил Дом предварительного заключения, молодой политический узник Архип Боголюбов отказался снять шапку перед высоким гостем. По приказу Трепова Боголюбов был приговорён к ста ударам розгами. Поворотным моментом стало событие января 1878 года: молодая девушка по имени Вера Засулич совершила покушение на жизнь Трепова, выстрелив в него из револьвера. Этот поступок, самостоятельно спланированный Засулич, был мстью за жестокое обращение с политическими заключёнными. Суд над Верой Засулич, завершившийся, вопреки всем ожиданиям, оправдательным приговором, с неизбежностью предопределил поворот к «пропаганде действием».

Первоначально террор задумывался как временная тактика для освобождения арестованных товарищей, устранения полицейских шпионов и самозащиты от репрессивных действий власть имущих. Но у терроризма есть собственная логика. За короткий промежуток времени террористическая мания овладела организацией. Не заставили себя ждать и сомнения по поводу «новой тактики». Критические нотки звучали на страницах официального печатного органа партии.

«Мы должны помнить, – говорится в одной статье № 1 «Земли и воли», – что не этим [террористическим] путём мы добьёмся освобождения рабочих масс. С борьбой против основ существующего порядка терроризация не имеет ничего общего. Против класса может восстать только класс; разрушить систему может только народ. Поэтому главная масса наших сил должна работать в среде народа»³⁴.

Принятие новой тактики привело к открытому расколу в движении – к расколу на террористов и последователей Лаврова, которые выступали за постепенную пропаганду в массах.

---

³³ Семенюта П. И. Из воспоминаний об А. И. Желябове // Былое. 1906. № 4. С. 219.

³⁴ Цит. по: Революционная журналистика семидесятых годов / под ред. Б. Базилевского. Париж: Societe nouvelle de librairie et d'edition, 1905. С. 124.

На деле последняя тенденция, защищая «теорию малых дел» и поэтапность, расходилась с революционностью. Правое крыло народничества почти слилось с либерализмом, тогда как его более радикальная группировка сделала ставку на огнестрельное оружие и «революционную химию» нитроглицерина.

Современные террористы пытаются отличить себя от своих российских предшественников. Террористы-народники, как утверждается, верили, что индивидуальный террор заменяет собой движение масс, тогда как современные сторонники вооружённой и партизанской борьбы рассматривают себя только как вооружённое крыло массовой борьбы, цель которой – привести массы в движение путём социального взрыва. Между тем народовольцы никогда не утверждали, что они – самодостаточное движение. Они стремились к началу массового крестьянского движения, которое должно было свергнуть государство и установить социализм. Они тоже стремились своим смелым примером произвести «детонацию» в массовом движении.

У политики, однако, своя логика. Все обращения «Народной воли» от имени масс служат ширмой, скрывающей укоренившееся недоверие народовольцев к революционной способности тех же самых масс. Эти аргументы, выдвинутые для оправдания террора в России более столетия назад, поразительно созвучны аргументам приверженцев городской партизанской борьбы (urban guerrillaism) более позднего периода, которые говорят: «Мы – за движение масс, но государство слишком сильно». Террорист Николай Александрович Морозов утверждал:

«Наблюдая современную общественную жизнь в России, мы видим, что никакая деятельность, направленная к благу народа, в ней невозможна вследствие царящего в ней правительственного произвола и насилия. Ни свободного слова, ни свободной печати для действия путём убеждения в ней нет. Поэтому всякому передовому общественному деятелю необходимо прежде всего покончить с существующим у нас образом правления, но бороться с ним невозможно иначе как с оружием в руках. Поэтому мы будем бороться по способу Вильгельма Телля до тех пор, пока не достигнем таких свободных порядков, при которых можно будет беспрепятственно обсуждать в печати и на общественных собраниях все политические и социальные вопросы и решать их посредством свободных народных представителей»³⁵.

Народники были храбрыми, но заблудившимися идеалистами. Они сделали мишенью известных мучителей, полицмейстеров, ответственных за репрессивные действия, и тому подобных людей. Как правило, затем они сдавались полиции, чтобы использовать судебные процессы для обличения текущего общественного строя. Они закладывали бомбы не для убийства женщин, детей или обычных солдат. В редких случаях они убивали отдельных полицейских, чтобы завладеть их оружием. Как бы то ни было, марксисты резко осуждали народников за их всецело ошибочные и контрпродуктивные методы.

Якобы «современные» теории городской партизанской борьбы просто карикатурно повторяют старые домарксистские идеи российских террористов. Весьма иронично, что эти люди, которые часто называют себя марксистами-ленинцами, не имеют ни малейшего представления о том, что *российский марксизм родился из непримиримой борьбы с индивидуальным террором*. Российские марксисты пренебрежительно именовали террористов «либералами с бомбой». Отцы либерализма вещали от имени «народа», но считали его слишком невежественным для того, чтобы доверить ему ответственное дело по преобразованию общества. Роль простых людей была сведена к пассивному голосованию раз в несколько лет и наблюдению за тем, как либералы в парламенте вершат свои дела. Дети либералов, напротив, не имели ничего,

³⁵ Морозов Н. А. Повести моей жизни. М.: Наука, 1965. Т. 2. С. 420–421. – Курсив А. В.

кроме презрения к парламенту. Они выступали за революцию и, конечно же, за «народ». С одним лишь исключением: массы опять, будучи невежественными, были якобы не в состоянии понять их. Поэтому они обратились к «революционной химии» бомб и револьверов. Роль масс, как и прежде, была сведена к роли пассивных зрителей.

Для марксизма же революционное преобразование общества есть сознательный акт рабочего класса. Прогрессивным здесь считается то, что служит повышению сознательности рабочих и их уверенности в собственных силах. Реакционно, напротив, всё то, что отдаляет рабочих от понимания своей исторической роли. С этой точки зрения индивидуальный террор полностью реакционен. Стало быть, политика индивидуального террора наиболее вредна для масс именно в момент своей успешности. Попытки отыскать простой и короткий путь в политике нередко приводят к катастрофе. Какой же вывод должны извлечь рабочие из яркого и успешного индивидуально-террористического акта? Пожалуй, только такой: можно, мол, достигнуть своей цели без какой-либо долгой и трудной подготовительной работы по организации профсоюзов, без подготовки стачек и других массовых мероприятий, без агитации, пропаганды и просвещения. К чему все эти напрасные отступления, если достаточно решить проблему при помощи бомбы и огнестрельного оружия?

История двадцатого века знает несколько трагических уроков, показывающих, что происходит, когда революционеры пытаются заменить сознательное движение рабочего класса героическими действиями вооружённого меньшинства. Чаще всего, как в случае с «Народной волей», попытка бросить вызов государственной машине такими методами приводит к страшному поражению и укреплению того самого репрессивного аппарата, который предполагалось свергнуть. Но даже в тех случаях, когда, например, партизанская война приводит к свержению прежнего режима, не может быть и речи о создании здорового рабочего государства, не говоря уже о социализме. В лучшем случае мы получим деформированное рабочее государство (пролетарский бонапартизм), в котором рабочие живут по правилам бюрократической элиты. Такой исход фактически предопределён милитаристской структурой террористической или партизанской организации, деспотичным командованием, отсутствием внутренней демократии и, разумеется, тем обстоятельством, что эти организации функционируют вне рабочего класса, независимо от него. Подлинная революционная партия не считает себя группой самозванных спасителей масс, а стремится организовать и сознательно выразить активность самих рабочих. Только сознательное самодвижение пролетариата может привести к социалистическому преобразованию общества.

Некоторые члены старой «Земли и воли» пытались противостоять террористической тенденции, но были отодвинуты на обочину. Попытка достигнуть компромисса на Воронежском съезде в июне 1879 года не остановила раскол, который случился в октябре того же года с формальным согласием обеих сторон распустить организацию. Денежные средства партии были поделены, и обе стороны согласились впредь не использовать прежнее название. Террористическая фракция назвалась «Народной волей», а остатки старой «деревенской» школы народников – «Чёрным переделом», вторя исконному народническому представлению об аграрной революции. Именно последняя организация, возглавляемая Плехановым, привела к появлению первых ростков русского марксизма.

Рождение русского марксизма

Перспективы фракции Плеханова были весьма туманными. Старая тактика «хождения в народ» исчерпала себя. Крестьяне оказались более не восприимчивыми к увещаниям народников. Многие народники в итоге оставили надежду и проголосовали ногами, вернувшись к более яркой городской жизни. Плеханов, который прежде имел опыт руководства рабочей группой «Земли и воли», предложил членам «Чёрного передела» провести агитацию среди

заводских и фабричных рабочих. Он пытался наладить свои старые связи с рабочими, в том числе со Степаном Халтуриным из «Северно-русского рабочего союза». Но террористическая волна поглотила даже передовых рабочих. Так, Халтурин принимал личное участие в покушении на жизнь царя в феврале 1880 года. Сторонники «Чёрного передела» оказались в глубокой изоляции. Последний удар по группе Плеханова был нанесён в январе 1880 года, когда, вскоре после набора первого номера журнала чернопеределцев, полиция арестовала подпольную типографию и фактически стёрла с карты страны целую организацию. Не связанному с терроризмом направлению в народничестве, как позже заметил Троцкий, не оставалось ничего иного, как грубо и на ощупь прокладывать себе дорогу к марксизму.

По другую сторону баррикад сторонников «Народной воли», казалось, ждал впечатляющий успех. Невероятно, но крошечная организация, в которую входило всего несколько сотен человек, превратила царя в фактического узника в своём собственном дворце. Некоторое время всё благоволило народолюбцам, в числе которых были самые решительные и революционные представители молодёжи. Новая организация, высоко централизованная и предельно засекреченная, возглавлялась Исполнительным комитетом, в который входили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская и другие. Программа «Народной воли», если сравнивать её со старым движением народников, была прогрессивной, поскольку чётко определяла *политическую* борьбу против самодержавия. Ленин всегда воздавал дань самоотверженному героизму народолюбцев, однако неумолимо критиковал тактику индивидуального террора. «Народолюбцы, – писал он позднее, – сделали шаг вперёд, перейдя к политической борьбе, но связать её с социализмом им не удалось»³⁶.

Программа «Народной воли» предусматривала «постоянный орган народного представительства», избираемый всеобщим голосованием, провозглашала демократические свободы, передачу земли народу и определяла меры по переводу фабрик и заводов в руки рабочих. Движение вовлекло в себя самых храбрых и самоотверженных людей. В их числе был Степан Халтурин из «Северно-русского рабочего союза». Он проявил большую предприимчивость и отвагу, устроившись столяром на императорскую яхту и став затем образцовым рабочим. Завоевав доверие официальных лиц, в феврале 1880 года Халтурин заложил в Зимнем дворце, где он занимался ремонтными работами, мощную бомбу, взорвав резиденцию царя прямо в центре столицы. В ответ государство развернуло репрессии, создав, по сути, диктатуру под командованием генерала М. Т. Лорис-Меликова. Случай с Халтуриным особенно трагичен. Очень рано ощутил он противоречие между терроризмом и необходимостью строить рабочее движение.

«Халтурин постоянно разрывался между рвением к применению силы и обязанностями организатора рабочих, – пишет Ф. Вентури. – Он дал волю своим чувствам, заявив, что интеллигенция заставляла его начинать всё с начала после каждого террористического акта с его неизбежными потерями. “Хоть немного бы дали вы нам укрепиться”, – говорил он при каждом случае. Но тогда он был так же охвачен жадой немедленного действия, которая привела его вместе с интеллигенцией на эшафот»³⁷.

Успехи террористов таили в себе семена собственного распада. Убийство царя в 1881 году породило господство репрессий, в которых террор одиночек против министров и полицейских уступил место террору всей государственной машины против революционного движения в целом.

³⁶ Ленин В. И. Рабочая и буржуазная демократия // Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1967. Т. 9. С. 179.

³⁷ Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia. New York: Alfred A. Knopf, 1960. P. 706.

«Россия была разделена на несколько округов с генерал-губернаторами, получившими приказание вешать немилосердно, – вспоминал Кропоткин. – Ковальский, который, к слову сказать, никого не убил своими выстрелами, был казнён. Виселица стала своего рода лозунгом. В два года повесили двадцать три человека, в том числе девятнадцатилетнего Розовского, захваченного при наклеивании прокламации на железнодорожном вокзале. Этот факт был единственным обвинением против него. Хотя мальчик по летам, Розовский умер как герой»³⁸.

Известен случай с девочкой четырнадцати лет, которую сослали в Сибирь за то, что она призывала толпу освободить идущих на эшафот заключённых. Она утопилась. Арестованные проводили годы в местах предварительного заключения – расадниках брюшного тифа, – где пятая часть их умирала в первый год в ожидании суда. На жестокое обращение надзирателей отвечали голодовками, что обычно заканчивалось принудительным кормлением. Тех, кого оправдывали, этапировали в Сибирь, где они медленно умирали от голода, довольствуясь жалким правительственным пособием. Всё это поддерживало негодование молодёжи, которая страстно желала отомстить. На место жертв белого террора приходили новые люди, которые затем становились новыми жертвами в адском круговороте террора и репрессий. Страна потеряла целое поколение, и в итоге государство, не державшееся за отдельных генералов и полицейских, стало сильнее, чем когда-либо, несмотря на то что «Народная воля» заметно подкосила ряды видных царских чиновников.

Новый обер-прокурор – министр К. П. Победоносцев – поклялся государю искоренить террористов железом и кровью. Ряд драконовских законов существенно расширили правительству полномочия для арестов, ссылок и цензуры, что коснулось не только революционеров, но и самых умеренных либеральных тенденций. Национальный гнёт был усилен запретом публикаций на нерусских языках. Появились законы, ужесточающие власть помещика над крестьянами. Волна реакции прокатилась по школам и университетам, подавив все формы свободной мысли и сокрушив мятежный настрой молодёжи. В России, вопреки ожиданиям террористов, не случилось ни массового восстания, ни укрепления оппозиции. Очень скоро все надежды, взлелеянные целым поколением самоотверженных героев, рассыпались в прах. Террористическое крыло народников погубила волна арестов. К 1882 году ядро этого крыла исчезло, его лидеры оказались в заточении, а само народническое движение разбилось на тысячу осколков. Однако похоронный звон по старому народничеству в то же время сопровождался в Европе быстрым ростом нового движения, а никому не известное ранее соотношение классовых сил пробивало себе дорогу даже в отсталой России.

Все эти годы идеи Маркса и Энгельса – в неполной и вульгаризированной форме – были известны российским революционерам. Маркс и особенно Энгельс вступали в полемику с теоретиками народничества. Но у марксизма никогда не было крупных последователей в России. Отрицая индивидуальный террор, выступая против особого «русского пути к социализму» и якобы ведущей роли крестьянства в революции, марксизм не нашёл поддержки у революционной молодёжи. В отличие от бакунинской идеи о «пропаганде делом», представление о том, что Россия должна пройти болезненную школу капитализма, имело привкус бездействия и пораженчества.

Старое поколение народников демонстрировало скрытое презрение к теории. Неустанно пользуясь идеологическим аргументом, они оправдывали практические зигзаги и повороты в своём движении. Народники выдвинули идеи о центральной роли крестьянства, особой исторической миссии России, панславизме и терроризме. Разбив себе головы о неприступную

³⁸ Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. С. 404.

стену, идеологи народничества, вместо того чтобы честно признать свои ошибки и попытаться использовать иную стратегию и тактику, упорно держались обанкротившихся идей и, значит, всё глубже погружались в пучину беспорядка.

Новая тенденция, которую продвигали Плеханов и горстка его единомышленников, в первую очередь стремилась заложить прочный фундамент для будущего на основе правильных идей, теории, тактики и стратегии. Без этого выдающегося вклада Плеханова было бы немыслимо дальнейшее развитие большевизма. Будучи ещё, по собственному выражению, народником до мозга костей, Плеханов искал ответы на вопросы, поставленные кризисом идеологии народничества, в работах Маркса и Энгельса. В январе 1880 года он был вынужден бежать за границу, где пересекался с французскими и немецкими марксистами, занятыми тогда ожесточённой идеологической борьбой с анархистами. Это знакомство с европейским рабочим движением стало решающим поворотным моментом в эволюции взглядов Плеханова.

Российскому подполью был известен только ряд трудов Маркса и Энгельса, в основном экономического содержания. Плеханов, подобно многим революционерам, был знаком с «Капиталом» Маркса, который царская цензура считала относительно безопасным для государства ввиду его чрезвычайной сложности и абстрактности. Логика была такая: если цензоры не могут понять содержание этой книги, что уж говорить о простых рабочих? Отстранившись на время от прямого участия в революционной борьбе в России, Плеханов сотоварищи получил доступ к прежде неизвестной литературе. И эти книги стали для него откровением.

Изучение Плехановым марксистской философии, трудов по классовой борьбе, а также материалистического понимания истории пролило новый свет на перспективы революции в России. Под напором марксистской критики одна за другой рушились прежние идеи терроризма, анархизма и народничества. Впоследствии Плеханов вспоминал:

«Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преображался в наших глазах наш собственный революционный опыт. <...> Теория Маркса, подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина»³⁹.

Разрыв с прошлым, однако, дался очень нелегко. В частности, Дейч и Засулич по-прежнему разделяли иллюзии терроризма. Любопытно, что, когда новость об убийстве царя достигла группы Плеханова, все члены группы, за исключением самого Георгия Валентиновича, выступили за переход в «Народную волю». Этот опыт нужно было пережить. Во всяком случае, Плеханов понимал, что кадры для будущей российской марксистской партии не упадут с небес. «Народная воля» выражала традиции целого поколения борцов с царизмом. Это движение, утопленное в крови бесчисленных мучеников революции, нельзя было просто взять и вычеркнуть из истории. Даже в период вырождения народничества богатые традиции продолжали привлекать к этому движению новых людей, растерянно ищущих дорогу к социальной революции. Таким человеком был, к примеру, Александр Ульянов, брат Ленина, казнённый в 1887 году за участие в попытке покушения на жизнь Александра III. Сам Ленин в начале своего пути сочувствовал народникам и поддерживал «Народную волю». Стремление уберечь таких людей от напрасных террористических жестов стало первым долгом русских марксистов.

³⁹ Плеханов Г. В. Первые шаги социал-демократического движения в России // Соч.: В 24 т. М.-Л.: Госиздат, 1927. Т. 24. С. 178–179.

Группа Плеханова, несмотря на свою немногочисленность, вызвала тревогу в ведущих народнических кружках, которые тут же попытались заглушить голос марксизма бюрократическими путями. Попытки группы сблизиться с революционной молодёжью в России вскоре разбились о каменную стену, воздвигнутую лидерами правого крыла народников, которые контролировали партийную печать. Редакция «Вестника “Народной воли”», к примеру, отказалась напечатать работу Плеханова «Социализм и политическая борьба» – новаторский труд, направленный против анархизма. Сначала Тихомиров, тогдашний лидер «Народной воли», казалось, был согласен удовлетворить просьбу группы Плеханова о присоединении их течения к организации, но публикация «Социализма и политической борьбы» быстро заставила Тихомирова передумать. Он предложил группе распаться, и тогда каждая заявка на членство в «Народной воле» рассматривалась бы индивидуально. Невозможность примирения стала ясна как день, и в сентябре 1883 года марксисты сформировали группу «Освобождение труда».

На момент раскола в группе Плеханова было не больше пяти человек. Сам Плеханов, Аксельрод и Вера Засулич были всем хорошо известными фигурами народнического движения. Дело Трепова принесло Вере Засулич широкую популярность в Европе. Лев Дейч (1855–1941), муж Засулич, был активным пропагандистом народнических идей в Южной России в конце 1870-х годов. Роль Василия Николаевича Игнатова (1854–1884) менее известна. Его выслали в Центральную Россию за участие в студенческих демонстрациях. Он внёс в кассу большую сумму денег, которая позволила группе начать свою деятельность. Но, к несчастью, скоропостижная смерть в самом расцвете сил от чахотки отняла у него возможность сделать ещё много полезного для развития революционного движения. После того как Дейча, арестованного в Германии в 1884 году, выдали российским властям, приготовившим для него длительный тюремный срок, смерть Игнатова уменьшила численность группы «Освобождение труда» до трёх человек.

Впереди были годы напряжённой уединённой борьбы, окутанной тенью томительной анонимности. Требуется известное мужество, чтобы, будучи в меньшинстве, отгородившись от масс и почти не располагая в условиях изгнания никакими ресурсами, принять сознательное решение плыть против течения и бросить вызов заведомо превосходящим силам противника. Далеко не в последний раз силы русского марксизма превратились в глас вопиющего в пустыне. Группу Плеханова поддерживала уверенность в правильности их идей, теории и перспектив. Это при том, что их идеи, казалось, бросали вызов действительности. Рабочее движение в России только зарождалось. Молодое забастовочное движение было во власти идей народничества и обходило стороной социализм. Слабый голос группы «Освобождение труда» ещё не достиг ушей заводских и фабричных рабочих. Глухими к нему оказались и студенты, которые держались анархистских и террористических идей.

В письме к Аксельроду, написанному в марте 1889 года, Плеханов отмечает:

«Все (и «либералы», и «социалисты») единогласно говорят, что молодёжь даже и слушать не станет тех, кто будет говорить против террора. Ввиду этого нужно быть осторожными»⁴⁰.

С момента своего возникновения группа «Освобождение труда» столкнулась с резкими нападками со всех сторон за якобы «предательство» «революционного» народничества. Будучи в изгнании, Тихомиров писал своим товарищам в России, предостерегая их от каких-либо общих дел с группой Плеханова. Старый бакунист-эмигрант Н. И. Жуковский комментировал с долей сарказма: «Вы не революционеры, а студенты социологии»⁴¹. Критики посто-

⁴⁰ Плеханов Г. В. Письмо к П. Б. Аксельроду (Женева, март 1889 г.) // Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М.: Наука, 1973. Т. 1. С. 157.

⁴¹ См.: Дейч Л. Г. Первые шаги группы «Освобождение труда» // Группа «Освобождение труда». Сборник 1. М.: Госиздат, 1923. С. 11.

янно указывали на то, что идеи Маркса неприменимы к России и что программа Плеханова «очень добросовестно переведена с немецкого»⁴².

Восьмидесятые годы девятнадцатого века – время решающих побед марксистского учения в европейском рабочем движении. Будучи оторванными от аналогичного движения в России, члены группы «Освобождение труда» инстинктивно сблизилась с влиятельным Вторым интернационалом. Плеханов и его товарищи писали в печатные органы Интернационала, выступали на его конгрессах (преимущественно на стороне немецкой партии – партии Маркса, Энгельса, Либкнехта и Бебеля). Они испытывали моральное удовлетворение от серьёзных достижений европейской социал-демократии. Силы русского марксизма были малы, однако они сформировали отряд в могучей пролетарской армии, насчитывающей миллионы людей в Германии, Франции и Бельгии. Живым доказательством преимуществ марксизма здесь был не сухой язык «Капитала», а численность профсоюзов, партийных ветвей, голосований и парламентских фракций.

Поддержка европейской социал-демократии, однако, была не до конца искренней. Долгие годы социал-демократы укрепляли дружеские отношения с народниками, в частности с Лавровым. Вожди социал-демократического движения искоса смотрели на группу Плеханова, воспринимая её не более чем эксцентричную отколовшуюся политическую группировку сектантского типа. Резкая полемика между Плехановым и всемирно известными фигурами народного движения вызывала панику в рядах социал-демократов.

«По правде говоря, – писал Плеханов, – наша борьба против бакунистов вызывала иногда опасения даже среди западных социал-демократов. Они находили её несвоевременной. Они боялись, что наша пропаганда, вызвав раскол в революционной партии, ослабит энергию её борьбы против правительства»⁴³.

Обращали на себя внимание оговорки, высказанные Энгельсом в переписке с Верой Засулич. За отправную точку своего анализа Энгельс принял невозможность построения социализма в такой отсталой стране, как Россия. Маркс же в предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (1882) и в других изданиях не исключал возможность создания бесклассового общества в России на основе сельской общины (мира), но *прочно связывал этот процесс с перспективами социалистической революции в развитых странах Западной Европы*.

«Если русская революция, – писал он, – послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁴⁴.

В письме к Вере Засулич от 23 апреля 1885 года Энгельс осторожно высказался о книге Плеханова «Наши разногласия». Здесь же немецкий философ выразил гордость за то, что «среди русской молодёжи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников»⁴⁵.

⁴² См.: Плеханов Г. В. Библиографические заметки из «Социал-демократа». Женева, 1888 г. // Соч.: В 24 т. М.-Пг.: Госиздат, 1923. Т. 4. С. 277.

⁴³ Плеханов Г. В., Засулич В. И. Доклад рабочему социалистическому конгрессу в Брюсселе в 1891 г. // Соч.: В 24 т. / Г. В. Плеханов. М., Пг.: Госиздат, 1923. Т. 9. С. 343.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» // Соч.: В 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 19. С. 305.

⁴⁵ Энгельс Ф. Письмо к В. И. Засулич от 23 апреля 1885 года // Соч.: В 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М.: Политиздат, 1964. Т. 36. С. 260.

Другие же лидеры Второго интернационала лишь искоса смотрели на крошечную горстку русских марксистов.

Вожди западного рабочего движения, привыкшие к могучим партиям с массовой поддержкой, с искренним скепсисом относились к возможности создания революционной рабочей партии в России. Открыто выказывая уважение к группе Плеханова, в глубине души они недоумевали: «К чему все эти бесконечные споры о неразъяснённых моментах в теории? Была ли реальная необходимость в расколе из-за таких вопросов? Почему русские не могут действовать сообща?»

На фоне малочисленности и медленного развития группы Плеханова эти сомнения казались небезосновательными. Те же народники, к примеру, имели куда более прочную организацию, владели большим количеством ресурсов и обладали безграничным влиянием в России и за её пределами. Как бы то ни было, группа Плеханова представляла собой зародыш могущественной революционной партии – партии, которая спустя тридцать четыре года, в сравнительно небольшой промежуток времени, приведёт российских рабочих и крестьян к власти и установит первое в истории демократическое рабочее государство.

Группа «Освобождение труда»

«Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может!»⁴⁶

«Там, где мы желаем видеть дуб с его могучим стволом, с его разросшимися ветвями, с массой его листья, – сказал однажды Гегель, – мы выражаем неудовольствие, когда вместо него нам показывают жёлудь»⁴⁷. Однако зародыш всякого здорового растения или животного, как известно, всегда содержит всю генетическую информацию о дальнейшем развитии организма. Эти же слова справедливы к развитию революционных течений. «Генетической информацией» здесь является теория, которая содержит в себе богатство обобщений, основанных на опыте прошлого. *Теория первична: всё последующее развитие связано с ней*. Группа «Освобождение труда», несмотря на малочисленность, примитивность организации и в целом непрофессиональные методы работы, совершила великое дело, обнажив теоретические корни рабочего движения в России. Обстоятельства вынуждали группу сосредоточить свои усилия прежде всего на воспитании и подготовке кадров, а именно, на разъяснении основополагающих принципов марксизма.

«При всём своём желании, – писал Плеханов, – работать на пользу создания литературы, доступной пониманию всей крестьянско-рабочей массы, мы, тем не менее, вынуждены пока ограничить свою народно-литературную деятельность тесным кругом более или менее интеллигентных читателей рабочего класса»⁴⁸.

Сочинения Плеханова этого периода заложили теоретический фундамент для здания новой партии. Многие из них по сей день являются классическими, хотя и не получают должного внимания со стороны изучающих марксизм. Не случайно Ленин после революции настоятельно рекомендовал к переизданию философские труды Плеханова, несмотря на то, что два

---

⁴⁶ Плеханов Г. В. Речь на Международном рабочем социалистическом конгрессе в Париже (14–21 июля 1889 г.) // Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Политиздат, 1956. Т. 1. С. 419.

⁴⁷ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 13.

⁴⁸ Плеханов Г. В. Об издании «Рабочей библиотеки» // Литературное наследие Г. В. Плеханова. М.: Соцэкгиз, 1940. Сб. VIII. Ч. 1. С. 66–67. – Курсив А. В.

этих человека долгое время вели политическую борьбу. Такие работы Плеханова, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и главным образом его блестящий труд «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», мастерски излагают ключевые идеи диалектического и исторического материализма.

Нападки Плеханова вызвали смятение в рядах народнического движения. В № 2 «Вестника “Народной воли”» за 1884 год утверждалось, что «для них [марксистов] полемика с “Народной волей” более своевременна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплуататорами русского народа»⁴⁹.

Как же часто марксистам доводилось слышать подобное! За стремление к теоретической ясности, за попытку провести чёткую разграничительную линию между собой и другими политическими тенденциями марксизм неоднократно обвиняли то в «сектантстве», то в борьбе против «левого единства», то в чём-либо другом. Случаются в истории и удивительные парадоксы: один из ведущих критиков Плеханова, народоволец Лев Тихомиров, который обвинял группу «Освобождение труда» в крушении революционного единства и покорном принятии ига капитала, позже сам перешёл в лагерь монархической реакции. Не первый и не последний раз блюститель беспринципного «единства» в итоге переходит на сторону врагов рабочего класса.

Проникновение в рабочее движение в России, несмотря на болезненные трудности, продолжалось. Большие проблемы возникли с нелегальным переправлением литературы. Специально обученные люди, часто студенты, обучающиеся за границей, привлекались для перевозки нелегальной литературы по возвращении домой на каникулы. Время от времени сами члены группы Плеханова отправлялись в Россию для установления связей. Такие поездки были чрезвычайно опасными и нередко заканчивались арестами. Во внутренних районах страны крайне немногочисленных людей, которым удавалось установить с группой контакт, ценили на вес золота. В 1887–1888 годах студент Рафаил Соловейчик, бывший в эмиграции с 1884 года, вместе с товарищами предпринял попытку создать «Загранично-русский союз социал-демократов». Разругавшись с группой Плеханова, он вернулся в Россию, был арестован в 1889 году и приговорён ко многим годам тюрьмы, в которой он обезумел и покончил жизнь самоубийством. Ещё один член того же «Союза», молодой студент из Цюриха Григорий Гуковский, был арестован в Ахене и передан царскому правительству. Его приговорили к тюремному заключению, где он тоже свёл счёты с жизнью. История знает много таких случаев. У самодержавия были длинные руки. Группа Плеханова постоянно сталкивалась с риском проникновения в свои ряды шпионов и провокаторов. Одним из таких шпионов был Кристиан Хаупт, рабочий, завербованный полицией для внедрения в эмигрантские российские социал-демократические организации. Разоблачённый немецкими социал-демократами как полицейский шпион, Хаупт был выслан из Швейцарии.

Хуже всего было ощущение полной политической изоляции, подкреплённое неизбежными скандалами и склоками эмигрантской жизни. Политические эмигранты-народники, уязвлённые критикой Плеханова, горячо реагировали на то, что их клеймили «бакунистами», и требовали публичных извинений. Народники, которые составляли подавляющее большинство эмигрантов из России, крайне враждебно относились к новой группе, членов которой они считали предателями и смутьянами. Годы спустя жена Плеханова вспоминала, что «народовольцы и Н. К. Михайловский владели в эту эпоху умами и чувствами женеvской эмиграции и русского студенчества»⁵⁰.

«В 80-е годы, после покушения на Александра II, – пишет Роза Люксембург, – в России наступил период самой жестокой безнадежности.

⁴⁹ Лавров П. Л. За пределами России // Вестник “Народной воли”. Женева, 1884. № 2. С. 65.

⁵⁰ См.: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода: В 2 т. М.: Изд. Р. М. Плехановой, 1925. Т. 1. С. 87.

<...> Кладбищенская тишь царила под свинцовыми крышами правления Александра III. Русским обществом, пришедшим в уныние из-за крушения всех своих надежд на мирные реформы, а также кажущейся безрезультатности революционного движения, овладело подавленное настроение покорности. В этой обстановке апатии и малодушия среди русской интеллигенции возникли метафизически-мистические настроения...»⁵¹

Вот так Роза Люксембург воссоздаёт в памяти холодное десятилетие реакции. Могучее телосложение Александра III позволяло ему ломать руками подковы, но в умственном отношении новый царь был типичным интеллектуальным пигмеем. Фактическим правителем России был Константин Петрович Победоносцев, бывший наставник императора, обер-прокурор Святейшего Синода, полагавший, между прочим, что западная демократия прогнила до основания, а русская патриархальная система наиболее прочна, – что пресса должна молчать, а школы должны находиться под контролем церкви, – и что полномочия царя не должны знать никаких границ. Сельских священников обязали докладывать в полицию обо всех подозрительных с политической точки зрения прихожанах, а проповеди духовенства проходили сквозь сито цензуры. Преследовались все неправославные и нехристианские вероучения. Особо опасными для церкви, к примеру, считались толстовцы, а самого Толстого даже предали анафеме. Студенческие протесты беспощадно подавлялись.

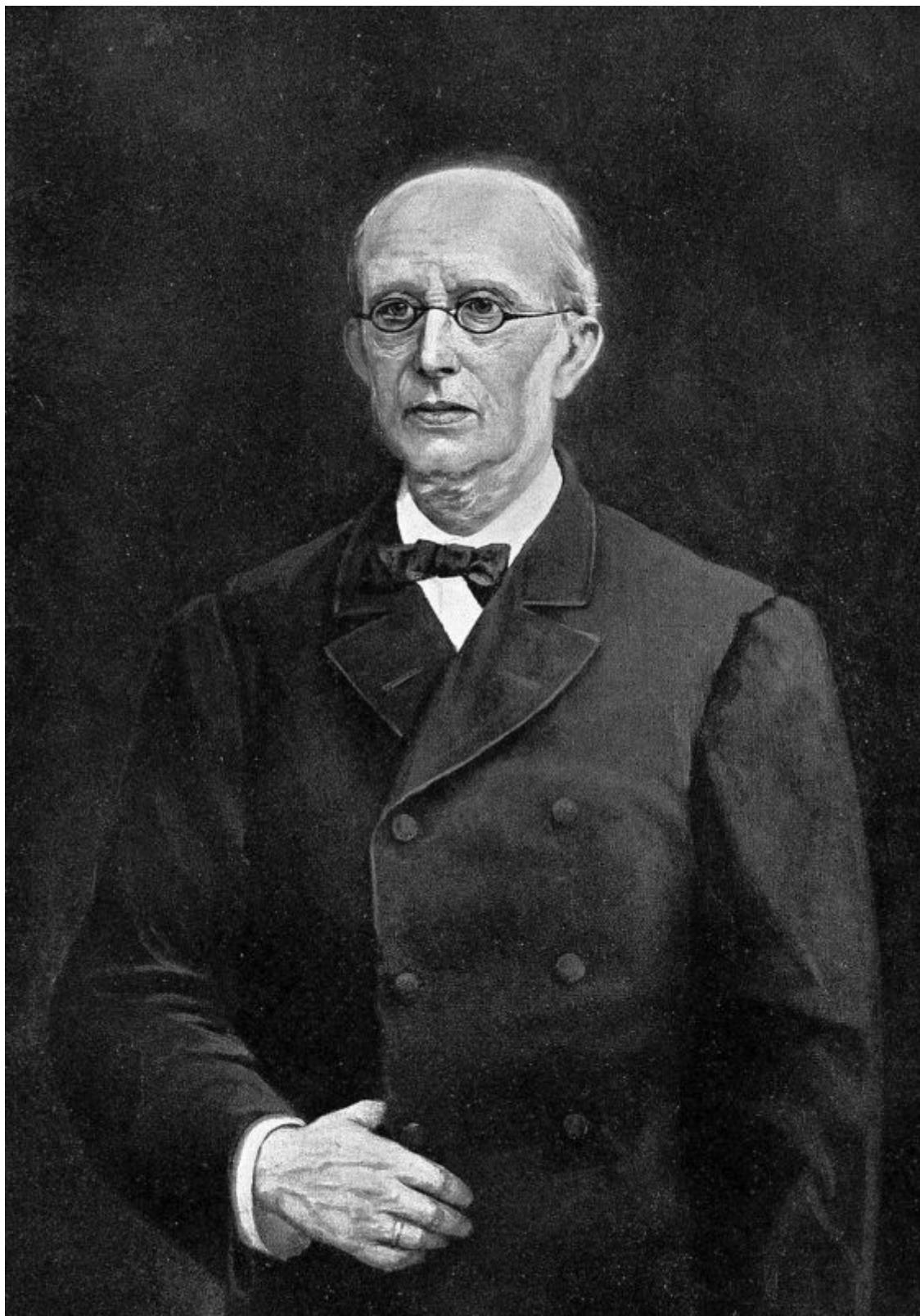
Это были трудные времена. Повсеместно царили отступления, отказы от прежних идеологических убеждений и трусливые измены. Старое народничество зашло в глухой тупик. Обжёгшись на терроризме, «радикальные революционеры» развернулись на сто восемьдесят градусов и оказались прямым образом в среде либеральных мещан, робко проповедуя «теорию малых дел» и выступая за безобидную культурно-просветительскую работу. Комментируя разложение народничества, Мартов писал:

«Падение революционной партии “Народной воли” было вместе с тем и крахом всего народничества. Широкие круги демократической интеллигенции были глубоко деморализованы и разочарованы в “политике” и в своей собственной героической миссии. Скромное “культурничество” на службе у либеральной части имущих классов – под этим знаком выступила оставшаяся верною народничеству часть интеллигенции в серую эпоху 80-х годов»⁵².

---

⁵¹ Люксембург Р. О социализме и русской революции. М.: Политиздат, 1991. С. 273.

⁵² Мартов Ю. О. Общественные и умственные течения в России 1870–1905 гг. Л.—М.: Книга, 1924. С. 48.

Константин Победоносцев, обер-прокурор Святейшего синода. Член Государственного совета

Первые десять лет своего существования группа «Освобождение труда» настойчиво плыла против течения. Чтобы найти дорогу к молодому поколению, Плеханов стремился к сотрудничеству со всевозможными запутавшимися и полународническими элементами. Одно такое сообщество издавало журнал «Свободная Россия». Передовая статья № 1 этого жур-

нала говорила о невозможности «сорганизовать рабочих и крестьян вокруг революционного дела»⁵³ и выступала против выдвижения идей, способных напугать сочувствующих либералов. Контакты с Россией напоминали игру в жмурки. Положение изгнанников было отнюдь не легче. Неудовлетворённость сложившейся ситуацией читается в письмах Плеханова к своим ближайшим соратникам. Даже литературная деятельность группы была чревата трудностями. «Освобождение труда» сопровождал непрерывный финансовый кризис. Столь малочисленная группа с ограниченными возможностями для заработка обычно зависела от людей, которых в американском театральном мире называют «ангелами», – от богатых сторонников, готовых финансировать рискованные литературные начинания. Порой эти люди даже не были социалистами, как в случае с Татьяной Гурьевной Гурьевой, выделившей деньги на «ежемесячное» издание сборника «Социал-демократ». Публикации группы, однако, выходили крайне нерегулярно. Время от времени задача казалась почти безнадёжной. Летом 1885 года Плеханов писал в письме к Аксельроду: «...В действительности мы стоим над бездной всяческих долгов и неуплат, каждый день приближает нас к краю этой бездны, а за что ухватиться, чтобы не упасть, – не знаем, да и знать не можем. Плохо»⁵⁴.

В мрачные 1880-е годы семья Плеханова жила в крайней нищете. Иногда Георгий Валентинович за скромное жалованье давал частные уроки по русской литературе, а в целом жил на скромную «пенсию» мясника, кормившего его исключительно супом и отварным мясом. Плохое питание и безотрадные условия жизни подорвали здоровье Плеханова. Некоторое время он тяжело болел плевритом, который не отпускал его всю оставшуюся жизнь. Группу «Освобождение труда», работавшую в тяжёлой обстановке и выдерживавшую беспощадное давление со всех сторон, спланивала не только вера в светлые идеи, но и колоссальный политический и моральный авторитет Плеханова. Главную роль в группе играл именно он. Обособленность группы превратила её в тесный кружок единомышленников, который скреплялся сильными политическими и личными связями. Не зря эту группу впоследствии сравнивали с семьёй. И Плеханов был бесспорным главой этого «семейства». Важную роль здесь сыграло не только интеллектуальное превосходство Плеханова, но и крепкое чувство обоюдной зависимости, выпестованное многолетней борьбой и жертвами во имя общего дела. В этих условиях частные и политические вопросы подчас переплетались. Плеханов олицетворял собой непреступную крепость духа, оказывая своим товарищам моральную поддержку в периоды их сомнений и личных кризисов.

Трагедия людей, подобных Аксельроду и Засулич, имеет двоякий характер. В иных исторических условиях эти талантливые люди могли бы сыграть более заметную роль в революционных событиях. Долгие годы изоляции самым катастрофическим образом повлияли на их ум и психологию. Находясь в тени Плеханова, они настолько отстали в своём развитии, что не смогли затем приспособиться к новым условиям и были отброшены на обочину революционного процесса. Обстановка, в которой соратники Плеханова работали многие десятилетия, не могла не сформировать у них менталитет узкокружковых пропагандистов. На первых порах, пока велась длительная теоретическая подготовка и создавались крошечные пропагандистские кружки, эти факторы не играли решающей роли. Они стали помехой позднее, когда марксистское движение в России столкнулось с необходимостью преодолеть ограниченную фазу пропаганды.

В течение двух десятилетий члены группы «Освобождение труда» фактически топтались на месте. Один из основателей группы Василий Николаевич Игнатов умер слишком рано и не оказал заметного влияния. Лев Григорьевич Дейч был сердцем и душой организационной сто-

⁵³ Цит. по: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода: В 2 т. М.: Изд. Р. М. Плехановой, 1925. Т. 1. С. 60.

⁵⁴ Плеханов Г. В. Письмо к П. Б. Аксельроду (лето 1885 года) // Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода: В 2 т. М.: Изд. Р. М. Плехановой, 1925. Т. 1. С. 21.

роны работы, отвечая за печать и распространение литературы. Павел Борисович Аксельрод был талантливым пропагандистом, который произвёл большое впечатление на молодых Ленина и Троцкого. Его имя долгое время не отделялось от имени Плеханова. Вера Ивановна Засулич, искренний, участливый и импульсивный человек, страдала больше других изгнанников. Она стремилась максимально сократить разрыв между «Освобождением труда» и новым поколением российских революционеров. Она всегда защищала молодёжь, преодолевая сопротивление Плеханова и поощряя новые инициативы (как правило, неудачные) молодёжных групп в эмиграции.

Терпеливая работа марксистов в конце концов принесла свои плоды. Народники, упрекавшие членов группы Плеханова в сектантстве и смутьянстве, боялись только одного – того эффекта, который производил марксизм на последователей народнических идей. Трудно переоценить влияние таких работ, как «Наши разногласия» (1885), на молодых российских революционеров, которые страстно искали выход из того очевидного тупика, в котором оказалось народничество. Сдвиги в правую сторону среди вождей народнического движения достигли кульминации благодаря открытому ренегатству Тихомирова, который в 1888 году издал брошюру под названием «Почему я перестал быть революционером». Отступничество Тихомирова стало объектом многих полемических работ Плеханова.

Крах бывшего революционного народничества оказал глубокое влияние на российскую молодёжь, разделив её на пролиберальных сторонников реформ и лучших представителей юного поколения, стремящихся найти дорогу к революции. В конце 1887 года Софья Михайловна Гинсбург, недавно вернувшаяся в Россию, взволнованным тоном писала лидеру народников П. Л. Лаврову:

«“Наши разногласия”, “Социализм и политическая борьба” имеют своё влияние, и влияние сильное, с которым нам придётся считаться. <... > Значение личности, значение интеллигенции в революции совершенно уничтожается ими, и я лично видела людей, разбитых его [Г. В. Плеханова] теориями. И главное – его тон, смелый, как бы уверенный в правоте, его уничтожение всего прежде существующего, низведение деятельности предшественников к нулю – всё это положительно влияет...»⁵⁵

Письмо Гинсбург показывает, как без прямого участия русских марксистов новые группировки, сконцентрированные внутри страны, обсуждали неудачи прошлого, оценивали соотношение сил и искали новый путь. Идеи Плеханова упали на плодородную почву. К 1890 году группа «Освобождение труда» начала пользоваться большим авторитетом среди марксистской молодёжи, а имя Плеханова гремело в каждом пропагандистском кружке и в каждом полицейском участке России.

Смешанное и неравномерное развитие

К концу 1860-х годов в стране насчитывалось только 1 600 километров железных дорог. За последующие два десятилетия эта цифра выросла в пятнадцать раз. В промежутке между 1892 и 1901 годами было построено не менее 26.000 километров стальных путей. Наряду с Москвой и Санкт-Петербургом возникли новые промышленные центры: Балтика, Баку и Донбасс. В период с 1893 по 1900 годы нефтедобыча выросла в два раза, а добыча угля – в три раза. Промышленный рост, однако, не имел того органического характера, который был присущ английскому варианту капитализма, описанному Марксом в «Капитале». Освобождение крестьян в 1861 году создало важнейшую предпосылку для развития капиталистических отно-

⁵⁵ Цит. по: Лавров П. Л. Воспоминания о Софье Михайловне Гинсбург // Голос минувшего. 1917. Кн. 7–8. С. 225–256.

шений. Но российская буржуазия объявилась на мировой арене слишком поздно, чтобы воспользоваться этой возможностью. Ничтожные и слаборазвитые силы российского капитализма не могли составить конкуренцию мощной, влиятельной буржуазии Западной Европы и Америки. Подобно бывшим колониальным странам, Россия в значительной степени зависела от иностранного капитала, который сокрушительно доминировал в её экономике, контролируя в первую очередь финансово-банковскую систему.

«Слияние промышленного капитала с банковским, – пишет Троцкий, – проведено было в России опять-таки с такой полнотой, как, пожалуй, ни в какой другой стране. Но подчинение промышленности банкам означало тем самым подчинение её западноевропейскому денежному рынку. Тяжёлая промышленность (металл, уголь, нефть) была почти целиком подконтрольна иностранному финансовому капиталу, который создал для себя вспомогательную и посредническую систему банков в России. Лёгкая промышленность шла по тому же пути. Если иностранцы владели в общем около 40 % всех акционерных капиталов России, то для ведущих отраслей промышленности этот процент стоял значительно выше. Можно сказать без всякого преувеличения, что контрольный пакет акций русских банков, заводов и фабрик находился за границей, причём доля капиталов Англии, Франции и Бельгии была почти вдвое выше доли Германии»⁵⁶.

Проникновение иностранного капитала в Россию дало резкий толчок экономическому развитию, пробудив спящего гиганта от двухтысячелетнего варварского сна и устремив его в новую эпоху. Но именно это породило в обществе взрывоопасную ситуацию. Огромное число крестьян было вырвано из консервативного деревенского уклада и втянуто в ад крупной капиталистической промышленности.

Марксистская концепция смешанного и неравномерного развития нашла своё блестящее подтверждение в чрезвычайно сложных общественных отношениях России на рубеже веков. Бок о бок с феодальными, полуфеодальными и даже дофеодальными способами производства выросли современные заводы, возведённые французами и англичанами по последнему слову техники. То же самое можно видеть сегодня в странах так называемого третьего мира, наиболее ярко – в Юго-Восточной Азии первой половины 1990-х годов. То, что происходит здесь, удивительным образом напоминает нам о событиях в России столетней давности. Политический результат, к слову, может оказаться таким же. Развитие промышленности в таких условиях выступает как стимул к революции. Пример России показывает, как быстро может произойти революция. Стремительное развитие капитализма в 1880-х и 1890-х годах привело к столь же стремительному пробуждению пролетариата. Волна стачек 1890-х годов играла роль подготовительной школы для революции 1905 года.

Всего за тридцать три года – с 1865 по 1898 годы – число фабрик и заводов, на которых работало больше ста человек, удвоилось: с 706.000 до 1.432.000. К 1914 году более половины всех промышленных рабочих работало на предприятиях с занятостью более 500 человек, а четверть – на предприятиях с занятостью более 1.000 человек. Такого не было ни в одной другой стране мира. Уже в 1890-х годах семь крупнейших фабрик Украины использовали две третьих всех рабочих металлургической промышленности России, а заводы Баку – почти всех нефтяников. До 1900 года Россия была крупнейшим мировым поставщиком нефти⁵⁷.

Но, несмотря на бурный подъём промышленности, российское общество в целом характеризовала крайняя отсталость. Масса населения по-прежнему жила в деревне, где в результате

⁵⁶ Троцкий Л. Д. История русской революции: В 2 т. М.: ТЕРРА, 1997. Т. 1. С. 40.

⁵⁷ См.: Дан Ф. И. Происхождение большевизма // Два пути. Избранное: В 2 т. / Ф. И. Дан, И. Г. Церетели. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. С. 84; Sumner B. H. A Survey of Russian History. London: Methuen, 1961. P. 324–331.

европейского аграрного кризиса в 1880-х и в начале 1890-х годов началась глубокая классовая дифференциация. Падение цен на зерно разрушило целые слои крестьянства; пагубный характер этого явления представлен в творчестве А. П. Чехова, например в рассказах «Мужики» и «В овраге». Сельский полупролетарий, лишившись земли, был вынужден продавать свою рабочую силу в окрестных деревнях. Это стало обычным явлением. На другом конце социального спектра возник новый класс сельских капиталистов – кулаки, которые, обогащаясь за счёт бедной деревни, могли себе позволить выкупить землю у прежних землевладельцев. Эта ситуация с большим остроумием и проницательностью отражена Чеховым в пьесе «Вишнёвый сад».

Царский режим прилагал все усилия для укрепления сельской общины. Однако мир, который, по мнению теоретиков народнического движения, должен был стать фундаментом для крестьянского социализма, стремительно приобрёл классовые контуры. Кто не мог найти работу в деревне, шёл в города, пополняя огромный резерв дешёвой рабочей силы для новых капиталистических предприятий. Быстрый рост промышленности привёл к росту классовой поляризации внутри крестьянства, создав класс зажиточных крестьян, или кулаков, и массу безземельных сельских бедняков, которые всё чаще подавались в города в поисках работы. Ожесточённые споры между марксистами и народниками о неизбежности капитализма были в конечном итоге урегулированы самой жизнью. Ранние работы Ленина, такие как «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «По поводу так называемого вопроса о рынках» и «Развитие капитализма в России», были написаны для сведения счётов с народниками. Но, в отличие от более ранних сочинений Плеханова, эти работы опираются на неопровержимый язык фактов, цифр и доказательств.

Развитие капитализма в России также означало и развитие пролетариата, который вскоре возвестил всё общество о своём намерении встать в первые ряды борцов за общественные перемены. Высококонцентрированная российская индустрия в кратчайший срок создала промышленную резервную армию труда, состоящую из организованных и дисциплинированных рабочих, размещённых в стратегических точках общества и экономики. Статистика стачечного движения свидетельствует о росте уверенности и классового сознания российских рабочих в этот период⁵⁸.

Таблица 1.1 – Стаечное движение в России

	1880–1884	1885–1889	1890–1894
Число стачек	101	221	181
Число участников	99.000	223.000	170.000

Весной 1880 года промышленность поразил долгосрочный кризис. Началась массовая безработица, работодатели безжалостно урезали и без того мизерную заработную плату. В дополнение к основным проблемам рабочих постоянно угнетали мелкими ограничениями и произвольными правилами, созданными специально для того, чтобы держать пролетариат в подчинении. Так, например, вводились штрафы за целый ряд реальных или мнимых преступлений против работодателей. В 1885–1886 годах возмущённые и недовольные рабочие под-

⁵⁸ См.: История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. / под ред. П. Н. Поспелова. М.: Политиздат, 1965. Т. 1. С. 96.

няли в Москве, Ярославле и Владимире волну трудовой агитации. Кульминационным моментом стала забастовка на Никольской мануфактуре, принадлежавшей Т. С. Морозову.

Одиннадцать тысяч рабочих мануфактуры выразили недовольство тем, что им пять раз за два года снижали заработную плату. Рабочих не устраивало, что подавляющее число штрафов налагалось на них за пение, громкие разговоры, прохождение мимо кабинета начальства с покрытой головой и т. д. Эти штрафы составляли в среднем четверть заработной платы, а порой и половину. Скрытый гнев и расстройства, накопленные в годы мелких волнений, краж и произвола, разразились стихией 7 января 1885 года. Лидер забастовки Пётр Анисимович Моисеенко (1852–1923), опытный революционер и бывший член «Северно-русского рабочего союза» Степана Халтурина, отбывал срок в сибирской ссылке. Замечательный человек, один из прирождённых вождей рабочего класса, Моисеенко писал впоследствии, что он сначала научился понимать, а потом действовать⁵⁹.

Разъярённые рабочие разгромили фабричную продуктовую лавку, в которой они были вынуждены покупать еду по завышенным ценам благодаря системе выдачи заработной платы товарами, и дом ненавистного им мастера Шорина. Владимирский губернатор, встревоженный этими актами насилия, отправил на место военный патруль и казаков. Рабочие адресовали губернатору требования, но были встречены репрессиями. Под арест попали шестьсот рабочих. Войска окружили завод и, угрожая рабочим штыками, заставили их вернуться к работе. Подавленный дух рабочих, однако, ещё в течение месяца не позволял фабрике вернуться на прежний уровень производственных показателей.

Морозовская стачка потерпела поражение. Однако она повлияла на умы рабочих по всей России и подготовила почву для массовых забастовок в следующем десятилетии. На суде над бастующими, который проходил во Владимире в мае 1886 года, Моисеенко и другие обвиняемые организовали энергичную защиту и предъявили столь сокрушительные обвинения организаторам текущих фабрично-заводских условий, что все обвинения судом в итоге были сняты, а рабочие получили поддержку. Приговор суда взрывной волной пронёсся по всему российскому обществу. Реакционная газета «Московские ведомости» встревоженно восклицала:

«Но с народными массами шутить опасно. Что должны подумать рабочие ввиду оправдательного приговора Владимирского суда? Весть об этом решении мгновенно облетела весь этот мануфактурный край. Наш корреспондент, выехавший из Владимира тотчас после состоявшегося приговора, уже слышал о нём на всех станциях...»⁶⁰

Морозовская стачка выявила огромную потенциальную силу пролетариата. Этот урок не прошёл даром для царского режима, который, несмотря на поддержку фабрикантов, всё-таки пошёл на уступки рабочим. 3 июня 1886 года был принят закон о штрафах, который ограничивал число наказаний и запрещал перевод штрафных денег в прибыль (эти деньги допускалось расходовать только на пособия рабочим). Реформа, как правило, есть побочный продукт революционной борьбы трудящихся за изменение общества. Как и билль о десятичасовом рабочем дне, принятый в Великобритании в XIX веке, закон о штрафах был попыткой умиротворить рабочих и воспрепятствовать их движению в революционном направлении. Одновременно предполагалось заручиться поддержкой рабочих для обуздания требований буржуазных либералов. Столь «доброжелательное» законодательство не отменяло репрессивных мер против забастовок и депортацию активистов из рабочей среды. Но этот закон, вопреки ожиданиям, не достиг желаемого эффекта и не уменьшил масштаб стачечного движения. Морозовская стачка вдохнула мужество в сердца рабочих, а уступки, на которые пошло всемогущее

⁵⁹ Моисеенко П. А. Воспоминания старого революционера. М.: Мысль, 1966. С. 235.

⁶⁰ Цит. по: Ленин В. И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах // Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1967. Т. 2. С. 24–25.

самодержавие, показали, что рабочие могут достигнуть большего, если не прекратят смелую борьбу за свои интересы. В 1887 году общее число стачек превысило таковое за несколько предшествующих лет. Два года спустя заместитель министра внутренних дел В. К. Плеве был вынужден доложить Александру III, что 1889 год был «богаче 87 и 88-го беспорядками, вызывавшимися фабричными условиями»⁶¹.

Стихийный рост стачечного движения указывает на то, что рабочие всё больше осознают себя как класс и как общественную силу. А если рабочий ещё и прогрессивный, как, например, Моисеенко, то он способен нащупать идеи, проливающие свет на положение рабочих и указывающие им путь вперёд. Это процесс имеет двойственный характер. С одной стороны, спонтанные вспышки недовольства в России часто сопровождались луддизмом⁶², что свидетельствовало о некоторой неорганизованности и несознательности российского рабочего класса, вступившего на историческую арену. С другой стороны, забастовочное движение наглядно подтверждало теоретические аргументы Плеханова и группы «Освобождение труда». В раскалённой добела классовой борьбе началось объединение пока ещё малочисленных, слабых сил марксизма с могучим, но не до конца ещё сплочённым российским пролетариатом.

С марксистской точки зрения важность забастовки не ограничивается только борьбой за непосредственное изменение рабочего времени, заработной платы и других условий труда. Действительное значение всякой забастовки, даже неудачной, состоит в том, что рабочие, участвующие в ней, *учатся*. В ходе стачки рабочие вместе со своими семьями начинают понимать свою классовую роль. Они перестают думать и действовать как рабы и поднимаются до уровня настоящих, сильных умом и духом людей. Благодаря жизненному опыту и борьбе, особенно за нечто великое, массы начинают переделывать себя. Вслед за наиболее активными и сознательными рабочими массы, ощущая свои ограничения, выражают глубокое недовольство своей судьбой. Поражения чаще, чем победы, приводят рабочего-активиста к необходимости чёткого понимания механизмов общественно-политического и экономического развития.

Рост капиталистической промышленности сам по себе создаёт огромную армию пролетариата. Но даже самая лучшая армия будет побеждена, если ей не хватает генералов, майоров и капитанов, хорошо обученных военному делу. Стаечная буря 1880-х годов известила мир о том, что российский пролетариат готов к борьбе. Но она также показала слабость движения, его спонтанный, неорганизованный и бессознательный характер, а также отсутствие руководства. Армия была. Оставалось подготовить генеральный штаб. К такому выводу с необходимостью приходили наиболее сознательные рабочие. И, подобно рабочим-активистам из других стран, они серьёзно и целеустремлённо взялись за учёбу.

Период марксистских кружков

Жестокие идеологические бои предыдущего десятилетия не прошли напрасно. Всё больше молодых людей в России смотрели на марксизм как на средство изменения общества. Юноши и девушки стремились теперь не «в народ», а «к рабочим». Сложившиеся условия вынуждали перейти к строгому подпольному режиму. В заводских и фабричных районах открывались школы, где под видом обучения взрослого населения пропагандисты разъясняли небольшим группам рабочих основные идеи социализма. В этот период появилось много новых имён, о которых современный читатель почти наверняка ничего не знает. Мелкие группы, воз-

⁶¹ Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. / под ред. П. Н. Поспелова. М.: Политиздат, 1965. Т. 1. С. 100.

⁶² Луддизм – движение английских рабочих в первые годы промышленной революции. Луддиты ломали машины и оборудование, считая их главными причинами безработицы.

никающие в городах одна за другой, должно быть, представлялись царским властям своего рода опасным и необъяснимым вирусом.

Народники, несмотря на все приложенные ими усилия, были абсолютно беспомощны в сближении с «народом». А иначе и быть не могло: народникам мешали ложные теории, программа и методы. Кроме того, эта, казалось бы, прежде неразрешимая проблема отныне с полной непринуждённостью решалась марксистами. В короткие сроки ими был выстроен устойчивый плацдарм для связи с рабочими. Во всех крупных промышленных центрах как грибы поле дождя росли учебные кружки, образовательные классы и «воскресные школы», где, как в парнике, выращивалось новое поколение революционных марксистов из рабочего класса – костяк будущей партии Октября. Так начался тот период пропаганды, который получил название «кружковщина». Закончив тяжёлый, утомительный рабочий день, многие пролетарии, отгоняя от себя умственную и физическую усталость, брали своими мозолистыми руками «Капитал» К. Маркса и долгие часы пробирались через трудные главы этой книги, которая, по мнению царской цензуры, не представляла никакой опасности в силу сухого и заумного языка изложения. Рабочие испытывали настолько большой интерес к этому труду, что разрывали все доступные тома «Капитала» на части и главу за главой распространяли его среди как можно большего числа людей.

Страницы полицейских архивов пестрят сообщениями об арестах революционеров, с которыми боролись, точно с бактериями, для политического оздоровления государства. Большинство этих людей почил в мрак. Но на костях и нервах этих героев и мучеников было воздвигнуто здание российского рабочего движения. Быть может, один из самых ярких рассказов о том, как функционировали эти ранние марксистские пропагандистские кружки, содержится в книге воспоминаний Н. К. Крупской о В. И. Ленине. Для установления контактов с рабочими создавался учебный кружок. Преподавание чтения, чистописания и арифметики умело сочеталось здесь с изучением, по крайней мере, основ социализма. Одной из таких школ была Смоленская вечерне-воскресная школа на Шлиссельбургском тракте, где учительницей работала Н. К. Крупская. Молодые преподаватели пользовались успехом у рабочих, с которыми они установили очень тесные отношения. «Рабочие, входившие в организацию, – писала Крупская, – ходили в школу, чтобы приглядываться к народу и намечать, кого можно втянуть в кружки, вовлечь в организацию»⁶³. В другом месте она вспоминает:

«Точно молчаливый уговор какой-то был. Говорить в школе можно было, в сущности, обо всём, несмотря на то, что в редком классе не было шпика; надо было только не употреблять страшных слов “царь”, “стачка” и т. п., тогда можно было касаться самых основных вопросов. А официально было запрещено говорить о чём бы то ни было: однажды закрыли так называемую повторительную группу за то, что там, как установил нагрянувший инспектор, преподавали десятичные дроби, разрешалось же по программе учить только четырём правилам арифметики»⁶⁴.

В то время как Плеханов сотоварищи развивал группу «Освобождение труда» за рубежом, в Санкт-Петербурге появился первый настоящий социал-демократический (то есть марксистский) кружок, созданный молодым болгарским студентом Димитром Благоевым (1856–1924), будущим вождём Коммунистической партии Болгарии. В 1884 году его группа назвалась «Партией русских социал-демократов» и даже начала издавать газету «Рабочий». Этот кружок, однако, просуществовал недолго: вскоре он был разгромлен полицией. Но в целом полиция уже не могла остановить раскрученное колесо революционного движения. В следующем

⁶³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1989. Т. 2: Н. К. Крупская. С. 13.

⁶⁴ Там же.

году в столице появилась ещё одна группа социал-демократов, которая установила более тесные связи с рабочим классом. Основанная Павлом Варфоломеевичем Точисским, эта группа, включившая в свои ряды мастеров и их учеников, стала известна как «Товарищество санкт-петербургских мастеровых».

Вдалеке от столицы, на прекрасных берегах Волги, в Казани, Николай Федосеев (1871–1898) организовал студенческие группы, в одной из которых объявился молодой человек по имени Владимир Ульянов, позже известный как Ленин. Горстки молодых людей с горящими сердцами появились в Казани, Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, Ростове-на-Дону и других городах Поволжья. Арест Федосеева летом 1889 года привёл к распаду созданных им кружков. Много лет спустя, в декабре 1922 года, Ленин в заметке, написанной по просьбе Истпарта, с большой теплотой вспоминал «этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»⁶⁵.

Несмотря на огромные трудности, нестерпимые условия и постоянный риск, пропагандисты-марксисты упорно шли к своей цели. Многие из них знали, что им не придётся увидеть результаты своего труда. Им не довелось дожить до финальных сражений и узреть, как рушатся ветхие стены ненавистного им общественного порядка. Но они выполнили сложнейшую задачу. Настойчиво работая с людьми, объясняя, споря, убеждая, сосредоточив внимание на тысяче и одной рутинной задаче, они *создали* движение буквально из ничего, построили нечто, что незаметно для историков легло в основу грандиозного исторического события. Текучая, терпеливая работа марксистов наконец-то начала приносить свои плоды. Вся территория страны покрывалась марксистскими кружками. Подражая группе «Освобождение труда», они назывались Лигами за освобождение рабочего класса. Движение рабочих начало принимать массовый характер. И тут как гром среди ясного неба произошло нечто, что полностью изменило ситуацию.

В 1891–1892 годах страну охватил страшный голод, вызвав масштабное недоедание в деревнях и резкий скачок цен на продовольствие. Истощение, холера и сыпной тиф затронули сорок миллионов человек; погибли целые деревни, особенно в Поволжье. Голодные крестьяне хлынули в города в надежде найти хоть какой-нибудь заработок. Эти события, парадоксальным образом совпавшие с экономическим ростом, породили волну стачек в центральной и западной части России, где находились центры текстильной промышленности. Стачки сопровождались столкновениями с полицией и казаками, что хорошо видно на примере забастовки польских ткачей в Лодзи в 1892 году.

Голод вскрыл коррупцию, неэффективность бюрократии и, как следствие, бессилие самодержавия. Судьба голодающих масс произвела сильнейшее впечатление на молодёжь. В Москве и Казани снова вспыхнули студенческие волнения. Всеобщее брожение общества повлияло и на либералов. Голод пробудил земства, которые долгое время молчали благодаря реакционной политике Александра III. На всей территории страны богатые либералы начали кампании по борьбе с голодом. Многие земские либералы, вспоминая о своих левых взглядах периода «хождения в народ», облегчали свою совесть тем, что открывали частные столовые. Следуя «теории малых дел», они делали всё возможное, чтобы придать борьбе с голодом нейтральную, аполитичную окраску. Между тем социальное и политическое брожение, вызванное голодом и беспорядочными действиями царской администрации, зажгло интеллигенцию, и многие её представители влились в ряды марксистов, рьяно боровшихся с либерально-народнической идеологией. Накал этой борьбы отражён в воспоминаниях Крупской об одном из первых вмешательств Ленина в политические дела по прибытии его в Санкт-Петербург:

«На Охте у инженера Классона... решено было устроить совещание...
Для ради конспирации были устроены блины. <...> Речь шла о путях, какими

⁶⁵ Ленин В. И. Несколько слов о Н. Е. Федосееве // Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 325.

надо идти. Общего языка как-то не находилось. Кто-то сказал – кажется, Шевлягин, – что очень важна вот работа в комитете грамотности. Владимир Ильич засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех – я потом никогда не слыхала у него такого смеха: “Ну, что ж, кто хочет спасать отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем”»⁶⁶.

Наблюдая за ситуацией издалека, Плеханов быстро сообразил, что пришло время для коренных тактических изменений. Голод продемонстрировал вопиющую беспомощность самодержавия. Идея представительного собрания, Земского собора, стала набирать популярность среди либерально настроенной интеллигенции. Плеханов обеими руками ухватился за предоставленную возможность. В четвёртой книге сборника «Социал-демократ» он опубликовал памфлет под названием «Всероссийское разорение», в котором показал, что голод имеет социальные, а отнюдь не естественные причины. Констатируя беспорядок, вызванный коррупцией и бездарностью царской власти, он призвал к широкой пропаганде и агитации, связав насущные требования масс с идеей свержения самодержавия.

Конечно, всё, что касается Земского собора, принимало в устах либералов реформистский и, следовательно, утопический характер. Но Плеханов, демонстрируя живой революционный инстинкт, попытался связать созыв Земского собора с широкой мобилизацией масс и привлечением лучших представителей демократической интеллигенции к идее открытой борьбы против царизма.

«Все честные русские люди, – писал он, – которые, не принадлежа к миру дельцов, кулаков и русских чиновников, не ищут своей личной пользы в бедствиях народа, должны немедленно начать агитацию в пользу созыва Земского собора...»⁶⁷

Статья Плеханова была первой конкретной попыткой ответить вопрос о возможности соединения рабочего движения с движением других угнетаемых классов перед лицом общего врага – царизма. В условиях самодержавного гнёта временные и эпизодические блоки с буржуазными либералами и наиболее радикальными представителями мелкой буржуазии представлялись неизбежными. Такие соглашения, однако, ни в коем случае не предполагали программных соглашений. Напротив, каждая сторона должна была выступить под лозунгом «Врозь идти, вместе бить!». Оберегая либералов и мелкобуржуазных демократов от преследования царской власти и достигая редких соглашений в решении практических вопросов, таких как пересылка запрещённой литературы и защита арестованных товарищей, марксисты в то же время подвергали их безжалостной и неослабевающей критике за их нерешительность и колебания. Такая тактика позволяла использовать каждую возможность для развития рабочего движения, укрепления марксизма и становления классового сознания пролетариата, подобно тому как альпинист использует каждую расселину и щель на пути к вершине.

«*Полное экономическое разорение нашей страны, – призывал Плеханов, – может быть предупреждено лишь полным политическим её освобождением!*»⁶⁸ Ужасная ситуация, в которой оказались массы, с неизбежностью ставила вопрос о революционной борьбе с царизмом, центральное место в которой отводилось рабочему классу. Пока ещё никто не говорил о возможности социалистической революции в России, но умелое использование революционно-демократических требований, таких как требование созыва Земского собора, несомненно, сыграло важную агитационную роль в мобилизации революционных сил вокруг программы марксистов. Эта политика не имела ничего общего с современной политикой мень-

---

⁶⁶ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1989. Т. 2: Н. К. Крупская. С. 10.

⁶⁷ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении // Соч.: В 24 т. М.: Госиздат, 1928. Т. 3. С. 353.

⁶⁸ Там же. С. 354.

шевиков и сталинистов, которые, призывая к «объединению всех прогрессивных сил», стремятся подчинить рабочее движение так называемой прогрессивной буржуазии. Плеханов и особенно Ленин высмеяли идею «народного фронта», которой народники тех лет торговали по мелочам. Прежде чем сблизиться с меньшевиками, Плеханов дал всем, кто обвинял его в запугивании либералов, решительный отпор: «Во всяком случае, – писал он, – мы считаем самым вредным родом запугивания – запугивание социалистов призраком запуганного либерала»⁶⁹.

От пропаганды к агитации

Акцент на массовую революционную агитацию стал для многих неожиданностью. Будущий экономист Борис Наумович Кричевский, к примеру, не замедлил раскритиковать группу «Освобождение труда» за «конституционализм», не понимая необходимости продвижения демократических лозунгов бок о бок с элементарными требованиями рабочего класса. В то же время в России революционеры старой закалки не спешили ничего менять. Былые привычки, связанные с ведением небольших пропагандистских кружков, отмирали болезненно. Часто переходу к массовой агитации предшествовали жаркие дебаты. В статье «О задачах социалистов в борьбе с голодом» (1892) Плеханов дал классическое определение, подчёркивающее различие между пропагандой и агитацией:

«Секта может удовольствоваться пропагандой в узком смысле слова. Политическая партия – никогда. ...Пропагандист даёт *много* идей одному лицу или нескольким лицам... Но история делается массой. <...> Тут-то и вступает в свои права агитация. Благодаря ей устанавливается и укрепляется необходимая связь между “героями” и “толпой”, между массой и её вожаками»⁷⁰.

Плеханов настоятельно призывал марксистов проникать в широкие массы с агитационными лозунгами, начиная с наиболее насущных экономических требований, таких как требование восьмичасового рабочего дня:

«...Все, даже самые отсталые, рабочие наглядно убеждаются в том, что осуществление, по крайней мере, некоторых социалистических требований выгодно для рабочего класса. <...> Экономические реформы, подобные ограничению рабочего дня, хороши уже тем одним, что они приносят непосредственные выгоды рабочему...»⁷¹

Это уличает во лжи реформистов, обвиняющих марксизм в том, что он якобы «не заинтересован в реформах». Напротив, марксисты всегда шли в авангарде борьбы за перемены в жизни рабочего класса, выступая за улучшение условий труда и повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня и внедрение демократических прав. Разница между марксистами и реформистами заключается отнюдь не в принятии или непринятии реформ (такая постановка вопроса сама по себе нелепа). Марксисты считают, что серьёзные реформы могут иметь успех только благодаря мобилизации сил рабочего класса, выступающего против капиталистов и государства. Кроме того, они настаивают на том, что единственный способ закрепить успех, достигнутый рабочими, и гарантировать соблюдение всех требований – свержение власти капитала и социалистическое преобразование общества. Такое преобразование, однако, невозможно без ежедневной борьбы за прогресс ещё при капитализме, ведь эта борьба орга-

---

⁶⁹ Плеханов Г. В. О задачах социалистов в борьбе с голодом // Соч.: В 24 т. М.: Госиздат, 1928. Т. 3. С. 417.

⁷⁰ Плеханов Г. В. О задачах социалистов в борьбе с голодом // Соч.: В 24 т. М.: Госиздат, 1928. Т. 3. С. 396–397; 414.

⁷¹ Там же. С. 397.

низует, учит и воспитывает рабочий класс, подготавливая почву для окончательного сведения счётов со своими врагами.

Условия для перехода к массовой агитации в России подготовило развитие капитализма. В 1890-х годах наблюдался рост стачечного движения, центром которого стал Санкт-Петербург. Здесь располагались крупные батальоны российского труда – рабочие металлопромышленности, восемьдесят процентов которых были сосредоточены на крупных предприятиях, среди которых выделялся Путиловский завод. Санкт-Петербург стал площадкой для быстрого развития рабочего класса. В период между 1881 и 1900 годами число рабочих в столице выросло на 82 процента, в то время как в Москве за то же время – только на 51 процент. Сравнительно высокий процент петербургских рабочих отличался грамотностью. Умением читать и писать здесь могли похвастаться 74 процента представителей рабочего класса, в остальной России – не более 60 процентов.

Это было новое, молодое поколение. В 1900 году более двух третей от общего населения Санкт-Петербурга были уроженцами провинции, а более 80 процентов жителей города составлял пролетариат. Люди прибывали сюда со всех концов империи: обычно это были голодные, нуждающиеся крестьяне, отчаянно ищущие работу. Те, кому повезло, устроились на крупные текстильные и металлургические заводы. Причём в столице преобладал металлургический сектор, в отличие от Москвы, где сосредоточилась текстильная промышленность. Более половины рабочих Санкт-Петербурга работали на предприятиях с занятостью более 500 человек, а две пятых – на предприятиях с занятостью более 1.000 человек. Те же, кому не повезло, стали нищими, уличными торговцами или проститутками.

Рабочий день был долгим (от 10 до 14 часов), а условия труда – ужасными. Людям часто приходилось жить в переполненных заводских бараках, где плохие жилищные условия усугублялись грязным воздухом, водой и обилием нечистот. По этой причине Санкт-Петербург приобрёл репутацию самой неблагоприятной столицы Европы. Текстильным рабочим повезло меньше всего: им приходилось в жаре, духоте долго и монотонно трудиться под оглушительный шум, царящий в цехах. Один правительственный инспектор отмечал:

«Насколько тяжело отражается работа прядения на здоровье рабочих, можно наглядно убедиться по их внешнему виду: измождённые, испытые, изнурённые, со впалой грудью, они производят впечатление больных, только что вышедших из госпиталя...»⁷²

Около половины текстильных рабочих составляли женщины. Эта особо эксплуатируемая часть рабочего класса, включающая в себя недавно прибывших крестьян и неквалифицированных рабочих, оказалась крайне нестабильной. Каков революционный потенциал текстильных рабочих, показали уже стачки 1878–1879 годов, когда была предпринята первая попытка связать забастовки с революционным движением. Эти стачки напугали власть и заставили её пойти на уступки. Первый фабричный закон от 1 июня 1882 года запрещал на фабриках и заводах работу детей, не достигших 12-летнего возраста, и ограничивал рабочий день малолетних в возрасте от 12 до 15 лет восемью часами в сутки. Второй закон, принятый в 1885 году, запрещал ночную работу в определённых отраслях промышленности.

Рабочим не суждено было насладиться плодами своей победы. Стачки были отражением экономического бума, связанного с Русско-турецкой войной 1877–1878 годов. В период спада, который наступил чуть погодя, капиталисты взяли реванш. В 1880-х годах наступила тяжёлая депрессия, вызванная массовыми увольнениями и безработицей, особенно в металлопромышленности. Тысячи рабочих и их семьи впали в страшную нищету. Те же, кто остались на заводах, должны были, понунив голову и стиснув зубы, смириться с безжалостным пониже-

⁷² Цит. по: Ленин. Петербургские годы. По воспоминаниям современников и документов // сост. А. И. Иванский. М.: Политиздат, 1972. С. 358.

нием заработной платы. В начале 1890-х годов экономика начала оживать. Это стало особенно заметно с 1893 года. Капитальное строительство железных дорог стимулировало рост металлургической промышленности в Санкт-Петербурге и на юге России. Активно развивались нефтяные и угольные месторождения. И тут же подул свежий ветер классовой борьбы. Идея агитации стремительно захватила умы молодёжи. Ей становилось тесно работать в пропагандистских кружках. События, случившиеся при участии социал-демократов в западных областях Польши и Литвы, а именно: стачка в Лодзи и первомайская демонстрация 1892 года, свидетельствовали о взрывоопасной ситуации.

Царская Россия была, по выражению Ленина, подлинной «тюрьмой народов». Разгул реакции после убийства Александра II привёл к усилению национального гнёта. Под мрачным надзором Победоносцева два сторожевых пса самодержавия – полиция и Православная церковь – расправлялись со всем, что имело привкус инакомыслия. Жертвами этих псов-близнецов стали: Лев Толстой, польские католики, прибалтийские лютеране, евреи и мусульмане. Браки, освящённые в католических храмах, не признавались российским правительством. При Николае II церковное имущество армянских христиан было конфисковано государством. Калмыцкие и бурятские храмы были закрыты. Принудительная русификация сопровождалась обязательным обращением в православную веру.

Развитие промышленности шло быстрыми темпами в западной части Российской империи, в Царстве Польском и в Литве. Западные районы, развитые в промышленном отношении лучше, чем восточные, имеющие более грамотное население и находящиеся под сильным немецким влиянием, быстро наполнились социал-демократами. Однако развитие рабочего движения здесь осложнялось национальным вопросом. Находясь под гнётом царской России, польские и прибалтийские рабочие и крестьяне несли на себе двойное ярмо. Жители Польши, некогда поделённой между Россией, Австрией и Пруссией, испытывали национальное угнетение, что имело серьёзные последствия для развития здесь рабочего движения. Поражение восстания 1863 года и последовавшие затем безжалостные репрессии поддерживали в поляках ненависть к России.

Российские власти, особенно чувствительные к беспорядкам на территории Польши, безжалостно расправились с первыми польскими социал-демократическими группами, подвергнув их участников арестам, пыткам и тяжёлым каторжным работам. Но рабочее движение, подобно лернейской гидре, реагировало на отсечение одной головы появлением двух новых. Прибалтика скоро превратилась в центр марксистской агитации и пропаганды, став перевалочным пунктом для распространения нелегальной литературы и переписки между группой «Освобождение труда» и марксистским подпольем в России. Бернард Пэрс так комментирует положение дел в Польше на тот момент:

«Варшавский университет был полностью русифицирован, и полякам преподавали их родную литературу по-русски. В 1885 году русский язык как язык обучения был введён в начальных школах. Обслуживающий персонал польских железных дорог отправили трудиться в другие части империи. В 1885 году полякам запретили покупать землю в Литве и Волыни, где они составляли большую часть дворянства»⁷³.

Еврейское рабочее движение

Парадоксально, но царизм, рассматривающий Польшу как витрину для демонстрации промышленного роста, всеми силами пытался препятствовать развитию национального движе-

⁷³ Pares B. A History of Russia. London: Jonathan Cape, 1947. P. 465.

ния. Сам промышленный рост, однако, подрывал царский режим и порождал массовое недовольство в больших и малых городах, расположенных на западной окраине Российской империи. Невыносимые условия труда и мизерная заработная плата дополнялись здесь чрезмерной эксплуатацией рабочих: обычная прибыль капиталистов составляла здесь 40–50 процентов, и всё чаще приходилось слышать о 100-процентной прибыли. Это создало благоприятные условия для социалистической пропаганды. Посреди этой холодной, каменной пустыни реакции студент по имени Людвик Варынский основал революционную партию «Пролетариат», которая стала «предтечей современного социалистического движения в Польше»⁷⁴. Вместе с другими социалистически настроенными студентами Варынский основал кружок, объединивший рабочих и зачатки профсоюзов. В 1882 году из нескольких групп сформировался «Пролетариат», который организовал ряд стачек, главной из которых была массовая стачка в Варшаве, жестоко подавленная войсками. Многих лидеров «Пролетариата» приговорили к многолетнему тюремному заключению. Четверо из них были повешены. Самому Варынскому повезло чуть меньше. Его приговорили к шестнадцати годам тюрьмы и заключили в печально известную Шлиссельбургскую крепость близ Санкт-Петербурга, где он умер медленной смертью.

После серии арестов «Пролетариат» распался. Когда к движению присоединилась Роза Люксембург, он него уже почти ничего не осталось. Лео Йогихес, выходец из богатой еврейской семьи, потратил большую часть личных средств на создание и финансирование новой социалистической группы в Вильне в 1885 году. Позже социал-демократы из этого города, внедрив массовую агитацию в рабочую среду, стали в этом деле первопроходцами, а их методы переняли все марксисты в России. Молодые силы польского пролетариата получили мощную поддержку от вновь пробудившихся сил еврейского рабочего класса.

Большая часть евреев проживала в Польше и других западных областях империи. С 1881 года это были единственные территории, где им разрешалось жить. В 1886 году евреев *массово* сместили с административных постов и ограничили им право заниматься определёнными профессиями. Только десятой части всего еврейского населения была открыта дорога в университеты, а в Москве и Санкт-Петербурге численность евреев в высших учебных заведениях не должна была превышать пяти процентов. В 1887 году такое же правило применили к средним школам. В 1888 году в расписках в получении правительственных стипендий все евреи были отмечены как православные. Детей обращали в православную веру против воли их родителей, а ставшим православными евреям без лишних вопросов оформляли разводы. Деятельность синагог и производство кошерного мяса облагались пошлинами. Для разобщения и дезориентации рабочих власти устраивали еврейские погромы: дома подвергались разграблению, а мужчин, женщин и детей калечили и убивали сборища представителей люмпен-пролетариата. Всё это, к слову, происходило при полном попустительстве полиции.

Многочисленное еврейское население западных регионов, прежде всего ремесленники и мелкие буржуа, жило на краю пропасти. Неудивительно поэтому, что среди еврейских кустарей и рабочих, этой самой угнетённой общественной прослойки, стали распространяться революционные идеи. Несмотря на невысокий процент еврейского населения в масштабах Российской империи, еврей-революционеры в дальнейшем играли ведущие роли в марксистском движении. Многонациональная Вильна, отличавшийся большой концентрацией рабочих и ремесленников еврейского происхождения, стала одним из первых оплотов социал-демократии в России. С 1881 года и вплоть до Октябрьской революции еврейский народ жил в постоянном страхе перед угрозой жестоких погромов, имевших расовый подтекст. Погромщики настраивали польских и русских крестьян против евреев, пользуясь их религиозными предубеждениями (нередко погромы приурочивались к Пасхе) и ненавистью к еврейским торговцам и ростовщикам. Между тем подавляющее большинство евреев были бедными рабочими и куста-

⁷⁴ Frölich P. Rosa Luxemburg: Her Life and Work. London: V. Gollancz Ltd., 1940. P. 20.

рями. В 1888 году специальная правительственная комиссия сообщала, что 90 процентов евреев «едва сводят концы с концами, живут в нищете, в самых угнетающих санитарных и общих условиях» и что «сам пролетариат иногда является мишенью для бурных народных восстаний [погромов]»⁷⁵.

У еврейского рабочего движения в западной части России, Польше и Литве богатая история. Волна стачек, которая пронеслась по этим регионам с 1892 года, вызвала брожение всех угнетённых национальностей, особенно евреев, которые подвергались самому сильному национальному гнёту. Культурная жизнь евреев переживала своего рода возрождение. Сбросив с себя окаменелый панцирь прежней культуры, зародившейся два тысячелетия назад, еврейская интеллигенция стала открытой для наиболее радикальных и революционных идей. На место прежней исключительности и политики изоляционизма пришёл настойчивый поиск контактов с другими культурами, прежде всего с русской. Уже в 1885 году группа бедных студентов раввинской академии приложила усилия к созданию революционной народнической организации в Вильне. Теперь и еврейские рабочие присоединились к борьбе и стали жадно изучать русский язык, чтобы читать книги и открывать для себя новые идеи.

Еврейские рабочие организовали общества взаимного страхования, или *кассы*, в которые поступали денежные средства для взаимовыгодных предприятий. Быть может, это произошло впервые с тех пор, как евреев изгнали из гильдий в Германии и Польше. Кстати говоря, торжественными ритуалами посвящения, ежегодными праздниками и строгой секретностью ведения дел эти сообщества очень напоминали сами средневековые гильдии и ранние британские ремесленные союзы. Ремесленники и рабочие в таких сообществах, придерживаясь консервативных взглядов, были враждебно настроены к социалистическим идеям и, как правило, имели своим центром какую-нибудь синагогу. Однако двойное ярмо, которое несли на себе еврейские рабочие, будучи угнетёнными и как рабочие, и как евреи, создало исключительно благоприятные условия для распространения революционных и социалистических идей. «Стихийное движение, – пишет Владимир Акимов (Махновец), – словно ветер, налетело и всколыхнуло те слои еврейского общества, которые называются “низами” и которые казались неподвижными и неспособными двигаться, так точно, как неспособными они казались воспринять и руководиться какой бы то ни было сознательной идеей»⁷⁶. Вот почему социалистически настроенные еврейские рабочие и интеллигенты, несмотря на свою малочисленность, сыграли виднейшую роль в российском революционном движении.

Денежные средства, поступающие в кассы, первоначально использовались не только для выплаты пособий по болезни и т. д., но и для совместной покупки Торы! Между тем в новой обстановке классовой борьбы денежные фонды рабочих всё чаще использовались для решения трудовых споров. Первая документально подтверждённая стачка еврейских рабочих состоялась в Вильне в 1882 году: это была стачка рабочих чулочной-трикотажной фабрики, причём ключевую роль здесь играли женщины. Наибольшую активность проявляли еврейские ремесленники: ювелиры, чулочники, портные, плотники, наборщики и сапожники. К 1895 году в одной только Вильне насчитывалось двадцать семь ремесленных организаций, в которых состояло 962 человека. Любопытно, что «в самом еврейском рабочем движении были ремесленники, которые задавали тон, и рабочие сигаретных и спичечных фабрик, которые не поспевали за ними»⁷⁷. Этот классовый состав еврейского рабочего движения, аналогичный составу других еврейских организаций по всей России, несомненно, сказался на той консервативной роли, которую играл Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд)

⁷⁵ Цит. по: Dubnow S. M. History of the Jews in Russia and Poland: From the Earliest Times Until the Present Day: In 3 vol. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1920. Vol. 3. P. 367.

⁷⁶ Акимов (Махновец) В. П. Очерк развития социал-демократии в России. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1906. С. 13.

⁷⁷ Mendelsohn E. Class Struggle in the Pale: The Formative Years of the Jewish Workers' Movement. Cambridge University Press, 1970. P. 157.

в первые годы существования РСДРП. Самые передовые части еврейского сообщества были далеки от того еврейского национализма, который впоследствии взяли на вооружение сионисты. Напротив, они увидели спасение еврейского народа в отказе от старого, ветхого традиционализма и во вхождении в русскую культурную и политическую жизнь. «Мы были тогда ассимиляторами, – вспоминает активист-социалист того периода, – мы тогда и не мечтали о специальном массовом еврейском движении. Эта задача выдвинулась позже. Нашей задачей тогда была выработка кадров для русского революционного движения, приобщение их к русской культуре»⁷⁸. Еврейские социал-демократы носили русскую одежду, читали русские книги и много говорили на русском языке.

Попав под влияние социалистических кружков, молодое еврейское поколение пробудилось от культурно-политического сна. Особенно поражала храбрость молодых еврейских работниц, преисполненных решимости участвовать в движении, несмотря на враждебное отношение к нему старейшин.

«Я точно вижу их вновь, – вспоминала одна из участниц движения, – этих ящичников, мыловаров, сахарников, которые были в моём кружке... Бледные, тощие, с покрасневшими глазами, измученные и смертельно уставшие.

Они собирались поздно вечером и, кажется, были готовы сидеть в душной комнате, которую освещала только небольшая газовая лампа, до утра. Дети часто спали в одной комнате, а женщины ходили вокруг дома, прислушиваясь к шагам и опасаясь визита полиции. Девушки упоённо слушали оратора и задавали ему вопросы, совершенно забывая об опасности. Они забывали о том, что дорога домой занимает сорок минут, что придётся идти по грязи и глубокому снегу, закутавшись в старое, изодранное пальто. Они забывали, что стук в дверь среди ночи чреват потоком ругани и проклятий от родителей. Забывали, что дома может не быть куска хлеба и им придётся спать голодными. А через несколько часов уже рассвет, и нужно снова бежать на работу.

С каким напряжённым вниманием слушали они рассказы по истории культуры, о прибавочной стоимости, потреблении, зарплате, жизни в других странах. Как много вопросов они задавали! Какой радостью загорались их глаза, когда руководитель доставал свежий номер «Идишер арбетер», «Арбетер штимме» или просто брошюру! Как гордилась девушка, если ей разрешали взять чёрную книжечку домой!

Сколько бед ждало бы молодых работниц дома, если бы в округе прознали о том, что они водятся с *akhudusnikers*, с «братьями и сёстрами», что читают запрещённую литературу! Сколько оскорблений, побоев, слёз! Но эти меры не помогали. «Их тянет туда, точно магнитом», – жаловались матери друг другу»⁷⁹.

Здесь, в Литве и Белоруссии, еврейские рабочие и полностью обрусевшая еврейская интеллигенция продолжали вести агитацию, которая превосходила своим размахом ту ограниченную пропаганду, распространённую на остальной территории страны. Они печатали листовки на идише, понятном каждому еврейскому рабочему, в которых выражали требования масс. В это время Юлий Мартов, девятнадцатилетний студент, исключённый из Санкт-Петербургского университета за революционную деятельность, прибыл в Вильну, к тому моменту

⁷⁸ Копельзон Т. М. Еврейское рабочее движение конца 80-х и начала 90-х гг. // Революционное движение среди евреев. Сборник первый. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. С. 71.

⁷⁹ Цит. по: Levin N. Jewish Socialist Movements, 1871–1917. While Messiah Tarried. London: Routledge & Kegan Paul, 1978. P. 240.

уже ставшей центром социал-демократии. Мартов вспоминал, что вопрос об агитации был поднят самими рабочими, которые вынудили марксистов выйти за пределы пропагандистских кружков.

«В своей работе, – писал он, – я дважды подробно рассказывал о целях и методах социализма, но действительная жизнь вносила свои коррективы... Члены кружка сами поднимали вопрос о каком-либо событии, случившемся на их фабрике или заводе... либо появлялся кто-либо с другого места работы, и мы тратили время на обсуждение тамошних условий труда»⁸⁰.

На волне успеха группа из Вильны выпустила брошюру «Об агитации», которая вызвала настоящий переполох. Этот памфлет, написанный Аркадием Кремером и Юлием Мартовым, стал широко известен как Виленская программа. Несмотря на свою сыроватость, этот документ, провозгласивший, что освобождение рабочего класса должно стать делом самих рабочих, вызывал неподдельный интерес в период с 1893 по 1897 годы, когда поворот к агитации был предметом жарких дискуссий. Это была здоровая реакция против кружковщины, движимая большим желанием установить связи с массами. Брошюра бросала смелый вызов существующему порядку вещей.

«“Русская социал-демократия стала на ложный путь”, – заявили наши еврейские товарищи в брошюре “Об агитации”. Она замкнулась в кружки. Она должна прислушиваться к биению пульса толпы, уловить его, стать на шаг впереди толпы и вести её. Вести рабочую массу может и должна социал-демократия потому, что стихийная борьба пролетариата ведёт его неизбежно к тому самому исходу, который сознательно выбрал себе революционер, социал-демократ, и признал своим идеалом»⁸¹.

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»

Осенью 1893 года петербургские социал-демократы оправлялись после ареста их лидера Михаила Ивановича Бруснева. По словам Бруснева, группа ставила своей «главной и основной целью выработать из участников... рабочих кружков вполне развитых и сознательных социал-демократов, которые во многом могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов»⁸². В 1891 году Бруснев со своими соратниками организовал демонстрацию рабочих на похоронах старого революционера Николая Васильевича Шелгунова. Демонстрация собрала порядка ста человек. Группа Бруснева установила связи с крупными заводами и всеми главными рабочими районами города. Первоначально большинство группы составляли студенты, но постепенно классовый состав группы претерпел заметные изменения. Студенты приступили к кропотливой работе по воспитанию профессиональных революционеров, вышедших из рабочей среды, – «русских Бебелей», как они их называли. После волны арестов, затронувших Бруснева и ряд его товарищей, группа была реорганизована Степаном Ивановичем Радченко. К группе присоединились участники марксистского кружка при Технологическом институте, некоторым из них было суждено сыграть важную роль в развитии партии. Взять хотя бы Надежду Константиновну Крупскую, будущую жену и соратницу Владимира Ильича Ленина.

---

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Акимов (Махновец) В. П. Указ. соч. С. 17.

⁸² Бруснев М. И. Возникновение первых социал-демократических организаций (Воспоминания) // Пролетарская революция. 1923. № 2 (14). С. 21.

Члены петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Слева направо (стоят): А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев; слева направо (сидят): В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И. Ульянов, Ю. О. Мартов. Санкт-Петербург, 1897 г.

Основным методом работы группы была организация обучающих кружков для рабочих с главных предприятий. Отдельные рабочие привлекали новых людей в кружок тем способом, какой описан Крупской в одной из предыдущих глав. Попавших в кружок теоретически развивали, и потом они сами становились организаторами других кружков. Так была создана широкая сеть обучающих кружков для рабочих. Ленин, прибывший в Санкт-Петербург осенью 1893 года, выступал в этих кружках как лектор под псевдонимом Николай Петрович. Работа Ленина в этих кружках описана в воспоминаниях Крупской:

«Владимир Ильич интересовался каждой мелочью, рисовавшей быт, жизнь рабочих, по отдельным чёрточкам старался охватить жизнь рабочего в целом, найти то, за что можно ухватиться, чтобы лучше подойти к рабочему с революционной пропагандой. Большинство интеллигентов того времени плохо знало рабочих. Приходил интеллигент в кружок и читал рабочим как бы лекцию. Долгое время в кружках “проходила” по рукописному переводу книжка Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”. Владимир Ильич читал с рабочими “Капитал” Маркса, объяснял им его, а вторую часть занятий посвящал вопросам рабочим об их работе, условиях труда и показывал им связь их жизни со всей структурой общества, говоря, как, каким путём можно переделать существующий порядок. Увязка теории и практики – вот что было особенностью работы Владимира Ильича

в кружках. Постепенно такой подход стали применять и другие члены нашего кружка»⁸³.

Эти кружки сыграли важнейшую роль в подготовке революционных рабочих кадров. Но они также сформировали известные консервативные привычки ума, которые позже оказались препятствием для развития движения. Молодой Мартов испытал горькое чувство разочарования, когда старый рабочий-марксист, член группы Бруснева, вместо того чтобы пригласить его вступить в организацию, вручил ему стопку книг по истории древнего мира и о происхождении видов.

«Воспитанный предыдущим временем полного общественного затишья, – пишет Мартов, – Странден... не представлял себе иного пути воспитания революционера, как пути систематической, в течение ряда лет, выработки всестороннего теоретического миросозерцания, венцом которой явится приступ к практической деятельности. Для нас, уже затронутых горячим дыханием первых признаков начинающегося возрождения, читавших “речи петербургских рабочих 1 мая 1891 года” и потрясённых фактом такого банкротства режима, о каком, казалось, свидетельствовал голод в 30 с лишком губерниях, было психологически немислимо осудить себя на столь долгий путь»⁸⁴.

«Виленский поворот» сильно повлиял на общий ход движения и широко обсуждался. Осенью 1894 года Мартов привёз в Санкт-Петербург копию виленской брошюры.

«Когда... появилась виленская гектографированная брошюра “Об агитации”, – вспоминает Крупская, – почва для ведения листовкой агитации была уже вполне подготовлена, надо было только приступить к делу. Метод агитации на почве повседневных нужд рабочих в нашей партийной работе пустил глубокие корни. Я поняла вполне всю плодотворность этого метода только гораздо позже, когда жила в эмиграции во Франции и наблюдала, как во время громадной забастовки почтарей в Париже французская социалистическая партия стояла совершенно в стороне и не вмешивалась в эту стачку. Это-де дело профсоюзов. Они считали, что дело партии – только политическая борьба. Необходимость увязки экономической и политической борьбы была им совершенно неясна»⁸⁵.

К 1895 году в группе Ленина было около 10–16 человек, которые отвечали за работу 20–30 обучающих рабочих кружков, а те, в свою очередь, обеспечивали 100–150 связей⁸⁶. Члены группы общались через районных организаторов. К концу года она пустила прочные корни почти во всех рабочих районах. Решающий шаг был сделан в ноябре, когда новоиспечённая социал-демократическая группа, включая Мартова, объединилась с «ветеранами» и образовала петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Это название, которое, по-видимому, предложил Мартов, было дано в знак солидарности с плехановской группой «Освобождение труда». В «Союзе борьбы» установилось чёткое разделение труда: одни люди отвечали за финансы, другие – за связи с революционно мыслящей интеллигенцией, третьи – за печатание листовок и т. д. Были установлены контакты с подпольной типографией народников в Санкт-Петербурге. Лидерами «Союза борьбы» были Ленин и Мартов.

---

⁸³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1989. Т. 2: Н. К. Крупская. С. 13.

⁸⁴ Мартов Ю. О. Записки социал-демократа. М.: РОССПЭН, 2004. С. 69–70.

⁸⁵ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. М.: Политиздат, 1989. Т. 2: Н. К. Крупская. С. 13–14.

⁸⁶ История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. / под ред. П. Н. Поспелова. М.: Политиздат, 1965. Т. 1. С. 222.

«Что это нынче все политического *мужика* стали сюда возить? Раньше всё господ возили, студентов там, барышень, а теперь вот наш брат, серый мужик – рабочий пошёл!»⁸⁷ – этими словами в 1895 году седой надзиратель Таганской тюрьмы встретил Мартына Николаевича Лядова, одного из лидеров «Московского рабочего союза». Как можно видеть, надзиратель чутко уловил те коренные изменения, которые произошли в революционном движении страны в 1890-х годах. Стремительные успехи «Союза борьбы» в той или иной степени отражали объективные изменения. Рост стачечной борьбы предоставил беспрецедентно широкие возможности для агитации при помощи популярных листовок. Агитация позволила многочисленным силам марксизма установить связи с широкими слоями трудящихся. Молодёжь, главным образом новобранцы с первичным пониманием марксистской теории, с энтузиазмом бросались агитировать на фабрики и заводы, поднимая прежде всего вопрос о средствах к существованию. Результаты превосходили все ожидания: агитация пробуждала даже самых отсталых, невежественных и угнетённых представителей рабочего класса.

Во время одной из стачек, согласно Фёдору Дану, «Союз борьбы» выпустил и распространил свыше тридцати листовок⁸⁸. Агитация предполагала диалог с рабочими. «Союз борьбы» внимательно прислушивался к жалобам трудящихся, принимал во внимание их требования и собирал с разных предприятий отчёты о борьбе. Затем эта информация обрабатывалась и, подкреплённая организационными распоряжениями, разоблачением действий руководства и призывами к поддержке, возвращалась к рабочим в агитационной форме. Таким образом, стачечное движение 1890-х годов, превратившееся, по сути, в гигантскую подготовительную школу борьбы, воспитало целое поколение сознательных рабочих и профессиональных марксистов. В отсутствие организованного и легального рабочего движения крошечные листовки вызывали сенсацию. Появление листовки вызвало в цехах ажиотаж. Как только рабочим удавалось ускользнуть от бдительного ока надзирателя, они собирались в небольшие группы (любимым местом сборищ был «клуб» – заводская уборная) и читали листовку вслух под одобрительные выкрики: «Ловко!» и «Совершенно верно!» По воспоминаниям Константина Михайловича Тахтарева, типичная реакция на листовки была такая: «К директору! Послать к директору!»⁸⁹ В короткий срок «слухи о листках распространились по заводам и фабрикам Санкт-Петербурга. Вскоре интеллигенции уже не требовалось разыскивать рабочих, которые сами обращались к “студентам” за этими листовками»⁹⁰.

В своей автобиографии Троцкий вспоминает об успехе нового подхода:

«Революционная пропаганда оказалась, таким образом, несравненно доступнее, чем рисовалась в мечтах. Нас поражала и опьяняла высокая продуктивность работы. Из рассказов о революционной деятельности мы знали, что число распропагандированных рабочих выражалось обычно немногими единицами. Революционер, который привлёк двух-трёх рабочих, считал это неплохим успехом. У нас же число рабочих, входивших и желавших входить в кружки, казалось практически неограниченным. Недостаток был только за руководителями. Не хватало литературы. Руководители рвали друг у друга из рук один-единственный заношенный рукописный экземпляр

⁸⁷ Лядов М. Н. Как начала складываться Российская коммунистическая партия. 3-е изд. М.: Изд-во КУ им. Я. М. Свердлова, 1926. С. 153.

⁸⁸ См.: Дан Ф. И. Происхождение большевизма // Два пути. Избранное: В 2 т. / Ф. И. Дан, И. Г. Церетели. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 1. С. 284.

⁸⁹ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге (1893–1901). По личным воспоминаниям и заметкам. Л.: Прибой, 1924. С. 55.

⁹⁰ Wildman A. K. The Making of a Worker's Revolution – Russian Social Democracy 1891–1903. Chicago, London: University of Chicago Press, 1967. P. 63.

“Коммунистического манифеста” Маркса – Энгельса, списанный разными почерками в Одессе, с многочисленными пропусками и искажениями.

Вскоре мы сами начали создавать литературу. Это и было собственно началом моей литературной работы. Оно почти совпало с началом революционной работы. Я писал прокламации или статьи, затем переписывал их печатными буквами для гектографа. О пишущих машинках тогда ещё не подозревали. Я выводил печатные буквы с величайшей тщательностью, считая делом чести добиться того, чтобы даже плохо грамотному рабочему можно было без труда разобрать прокламацию, сошедшую с нашего гектографа. Каждая страница требовала не менее двух часов. Иногда я в течение недели не разгибал спины, отрываясь только для собраний и занятий в кружках. Зато какое чувство удовлетворения доставляли сведения с заводов и с цехов о том, как рабочие жадно читали, передавали друг другу и горячо обсуждали таинственные листки с лиловыми буквами. Они воображали себе автора листовок могущественной и таинственной фигурой, которая проникает во все заводы, знает, что происходит в цехах, и через 24 часа уже отвечает на события свежими листками»⁹¹.

Описывая события 1897 года, Тахтарев вспоминает, как рядовой рабочий реагировал на появление этих листовок:

– Вы подумайте, какие у нас времена-то! Раньше мы работали-работали, свету не видели. Своими глазами видишь, как надувают, а что поделаешь? Теперь не то! <...> А теперь малый мальчишка пархатый, и тот везде всё заметит да подметит. В «Союз», слышишь ли, говорит, надо дать знать.

– Кто же распространяет листки?

– Студенты, надо полагать. Дай, господи, доброго здоровья тем людям, которые эти листки печатают.

И рабочий, отмечает Тахтарев, истово перекрестился⁹².

Активно включившись в агитацию, крошечные силы марксизма добились поистине огромного влияния. Гектографированные листовки, отпечатанные на бумаге небольшого формата, находили живой отклик у рабочих. Часто одного факта появления этих листовок было достаточно, для того, чтобы привести весь завод в состояние брожения и вызвать острую дискуссию. Успехи агитации вскоре привлекли внимание царской полиции. Хорошо зная о взрывоопасном настроении рабочих Санкт-Петербурга, власти прислушивались к содержанию листовок. Когда в феврале и апреле 1896 года появились листовки, выражавшие требования рабочих судостроительных верфей, министр внутренних дел, опасаясь очередной стачки, распорядился провести расследование и посоветовал портовому управляющему пойти на уступки рабочим.

Переход от кружковой пропаганды к массовой агитации совершался болезненно. Для многих социал-демократов подпольная деятельность стала привычным образом жизни. Длительное пребывание в небольших и скрытых от посторонних глаз кружках развило у революционеров так называемый кружковый менталитет. Как это ни парадоксально, деятельность кружков, полная трудностей и опасностей, имела и свои «комфортные» стороны. Кружки не требовали от человека активной деятельности, направленной вовне. Члены кружка общались исключительно с товарищами или передовыми рабочими, почти все хорошо знали друг друга. Массовая агитация, напротив, представлялась многим прыжком в неизвестность. Рутинный порядок нарушался, а идеи и методы требовали коренных изменений. Неудивительно поэтому,

---

⁹¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. С. 119.

⁹² Тахтарев К. М. Указ. соч. С. 56.

что призыв к агитации был встречен некоторыми «стариками» с недоверием и даже враждебностью. Леонид Борисович Красин и Степан Иванович Радченко боялись, что переход к новой тактике обернётся страшными последствиями: она, мол, дезорганизует общую работу, нарушит подпольную деятельность, вызовет массовые аресты и подвергнет товарищей опасности.

Вопрос о новом тактическом повороте был проработан в узких кругах ветеранов, а затем представлен для обсуждения на широких рабочих собраниях, где зачитывались и дискутировались выписки из брошюры А. Кремера «Об агитации». Петербургский рабочий-пропагандист Иван Васильевич Бабушкин, вспоминая свою реакцию на новые предложения, отмечал:

«Я положительно восстал против агитации, хотя видел несомненные плоды этой работы в общем подъёме духа в заводских и фабричных массах, но я сильно опасался такого же другого провала⁹³ и думал, что тогда всё замрёт, но я в данном случае ошибался»⁹⁴.

Мартов вспоминает разговор с Бабушкиным, который противился внедрению новых методов. «“Вот, – говорил он нам, – стали во все стороны разбрасывать прокламации и в два месяца разрушили созданное годами”. Не чуждо ему было и опасение, что новая молодёжь, воспитываемая этой агитационной деятельностью, будет склонна к верхоглядству»⁹⁵. Дальнейшие события показали, что опасения Бабушкина таили в себе рациональное зерно. Некоторые из тех, кто с энтузиазмом поддерживал агитацию и выражал презрение к теории и кружковщине, были отнюдь не мнимыми, а вполне реальными оппортунистами. Однако, несмотря на ряд преувеличений, реакция против кружкового менталитета явилась критикой тех консервативных тенденций, которые, оставшись без внимания, неминуемо превратили бы массовое движение в сектантство. Годы спустя Троцкий, вспоминая об этом периоде, писал:

«Каждая рабочая партия, каждая фракция проходит на первых порах период чистой пропаганды, т. е. воспитания кадров. Кружковый период марксизма неизбежно прививает навыки абстрактного подхода к проблемам рабочего движения. Кто не умеет своевременно перешагнуть через рамки этой ограниченности, тот превращается в консервативного сектанта»⁹⁶.

Примером того, как консервативность взглядов может сдерживать работу, является дискуссия, которая состоялась среди московских марксистов по поводу их участия в первомайской демонстрации 1895 года. Сергей Иванович Прокофьев вспоминал, какую тревожную реакцию вызвало его предложение организовать нелегальное собрание в лесу:

«...Когда я этот вопрос поставил среди своих товарищей, собравшихся у меня, то решили праздновать втихомолку, не делать шума, старались, как бы не напортить нашей работе, – боялись провала. Товарищи говорили: ещё рано заявлять о себе, у нас ещё очень мало сил для выступления и что мысль о праздновании сейчас – это мысль интеллигенции...»⁹⁷

Однако сама жизнь преподнесла большой сюрприз, который коренным образом изменил положение и перевернул старые схемы с ног на голову.

23 мая 1896 года стачка текстильщиков на Российской бумагопрядильной мануфактуре в Нарвской части Санкт-Петербурга положила начало новой грандиозной волне забастовок.

---

⁹³ Речь идёт об арестах старой гвардии революционеров, включая В. И. Ленина, в декабре 1895 года.

⁹⁴ Воспоминания И. В. Бабушкина (1893–1900). Л.: Прибой, 1925. С. 76.

⁹⁵ Мартов Ю. О. Записки социал-демократа. М.: РОССПЭН, 2004. С. 191.

⁹⁶ Trotsky L. Sectarianism, Centrism and The Fourth International // Collected Writings (1935–1936). New York: Pathfinder Press Inc., 1977. P. 153.

⁹⁷ Прокофьев С. И. Из пережитого // На заре рабочего движения в Москве / под ред. С. И. Мицкевича. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва полит. каторжан и ссыльно-переселенцев, 1932. С. 112.

Рабочие экспромтом выставляли летучие пикеты, которые способствовали стачечному росту. Новые стачки вспыхивали молниеносно, став итогом того взрывного настроения, которое копилось всё прежнее десятилетие. Основная волна стачек захлестнула столицу, а петербургские марксисты впервые встали во главе рабочего движения.

Изменившиеся условия, вызванные волной стачек, открыли перед крошечными силами марксизма колоссальные возможности. Появился шанс расширить и укрепить своё влияние. Первое время этим шансом не пользовались сполна, поскольку консерваторы продолжали выступать против новых методов. Так, во время крупной стачки двух тысяч ткачей Иваново-Вознесенска в октябре 1895 года лидеры местного рабочего союза сначала не поддерживали предложение отправить агитаторов к бастующим и сблизиться с другими фабриками, которые могли бы поддержать забастовку. В конце концов пришли к компромиссу: Иваново-Вознесенский рабочий союз, снимая с себя ответственность за стачку, разрешает своим отдельным членам – на свой страх и риск! – принять в ней участие. Подобные споры возникали почти в каждом социал-демократическом кружке. Но постепенно все перешли к новым методам, и это дало впечатляющие результаты.

Марксисты не ограничивались агитацией по экономическим вопросам. Они пытались внедрить в рабочую среду политические идеи. После арестов в декабре 1895 года петербургская группа выпустила листовку «Что такое социалист и государственный преступник?» В первый период агитации каждая жалоба, исходившая от рабочих, использовалась для того, чтобы расширить кругозор пролетария до вопросов политики, связывая борьбу за текущие требования с главной задачей свержения самодержавия. Смелая агитация подняла марксизм в глазах широких слоёв рабочего класса. Несмотря на свою немногочисленность и чрезвычайно сложную объективную ситуацию, марксисты наконец-то сломали барьер, отделявший их от масс. Дорога к созданию мощной и единой партии российского пролетариата была открыта.

«Легальный марксизм»

Александр III скончался 1 ноября 1894 года, и на престол взошёл его сын Николай II. В январе следующего года состоялся высочайший приём, на котором земские либералы, помимо поздравлений с бракосочетанием, представили новому царю адрес, в тексте которого они выразили надежду, что «с высоты престола всегда будет услышан голос нужды народной»⁹⁸. Николай II выступил с резким ответом, устроив либералам политический разнос в лучших традициях жанра:

«Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же, как охранял его мой незабвенный покойный родитель»⁹⁹.

Слушая эти слова, делегаты земских собраний чувствовали себя так, будто на их головы выливают ведро ледяных помоев. Любопытно, что речь императора прозвучала из уст его помощника. «Вышел офицерик, – вспоминает очевидец тех событий, – в шапке у него была бумажка; начал он что-то бормотать, поглядывая на эту бумажку, и вдруг вскрикнул “бессмыс-

⁹⁸ Цит. по: Мирный С. Адресы земств (1894–1895). Их программа. 2-е изд. Женева: Украинская типография, 1896. С. 2.

⁹⁹ Полное собрание речей императора Николая II (1894–1906). СПб.: Друг народа, 1906. С. 7.

ленными мечтаниями” – тут мы поняли, что нас за что-то бранят, ну к чему же лаяться?»¹⁰⁰ Упрекали также молодую государыню, которая держалась совершенно одеревенело и не приветствовала депутации, когда они проходили перед её величествами. Что касается Фёдора Измайловича Родичева, автора текста адреса от имени Тверского земства, то его просто не допустили на приём, и, словно в насмешку, ему запретили жить в Санкт-Петербурге. Этот забавный эпизод, комментарии к которому излишни, наглядно показывает полное бессилие и трусость земских либералов накануне нового столетия.

То были годы, когда буржуазная интеллигенция замкнулась в себе, заигрывая со спиритуализмом, мистицизмом, порнографией и искусством ради искусства. В изобразительном искусстве и литературе росло влияние символизма, сдобренного мистическим подтекстом и декадентством. Всё это было не просто недугом, поразившим интеллигенцию конца века (*fin de siècle*), а отражением той тупиковой ситуации, той беспомощности, которая последовала за разгромом «Народной воли». Как однажды заметил Маркс, история повторяется дважды: первый раз как трагедия, а второй – как фарс. Так появилась карикатура на народников: либеральная молодёжь рядилась в крестьянскую одежду, становилась толстовцами, участвовала в благотворительных программах, направленных на борьбу с голодом, неграмотностью и т. д.

Рост популярности марксистских идей в интеллигентской среде породил любопытное явление. Поразительные успехи марксистской идеологии в борьбе против народничества привлекли внимание академической буржуазной интеллигенции, которая очаровалась марксизмом только как общественно-исторической теорией, не понимая его революционно-классового содержания. Молодая буржуазия стремилась обрести дар слова для защиты своих интересов и теоретического обоснования неизбежности развития капитализма в России. Некоторые идеи, выдвинутые марксистами в полемике с народниками, были охотно подхвачены буржуазной интеллигенцией. За короткий срок марксизм в выхолащенной, академической форме стал модным среди либеральных профессоров, сочувствующих левой идеологии.

В начале пути, когда марксисты, в силу своей немногочисленности, не имели широкого влияния, а социалистическая революция представлялась делом отдалённого будущего, эти состоятельные дилетанты составляли целое течение в русском марксизме. В условиях, когда нелегальное революционное движение находилось в тяжелейших условиях, а законная марксистская пресса была запрещена, с появлением либеральной профессуры, которая на свои деньги легально публиковала книги по марксизму и печаталась в российских общественных журналах, вынуждены были считаться. Эти труды, отличаясь невысоким теоретическим уровнем, способствовали, однако, популяризации марксистских взглядов. Марксистам разрешили печататься в таких периодических изданиях, как «Новое слово», «Начало» (не путать с газетой «Начало», которую издавал Троцкий в 1905 году) и «Самарский вестник», не позволяя им, разумеется, «заходить слишком далеко». Так родилось странное чудовище-гибрид, известное как «легальный марксизм», виднейшими представителями которого были Пётр Бернгардович Струве, Михаил Иванович Туган-Барановский, Сергей Николаевич Булгаков и Николай Александрович Бердяев.

Издание первых марксистских книг, разрешённых цензурой, было дорогим удовольствием. Струве взял деньги на издание своей книги из собственного кармана. Жажда марксистских идей, пусть даже в выхолащенной форме, была такова, что весь тираж книги Струве был распродан за две недели. Потресов, унаследовавший немалое состояние, финансировал издание работы Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Тяжёлое нелегальное положение заставляло пользоваться каждой законной возможностью для распространения идей марксизма. А то, что не позволялось выносить на страницы легальных изданий, всплывало затем в подпольной партийной прессе. Русские марксисты на протяжении долгих

¹⁰⁰ Цит. по: Ламздорф В. Н. Дневник. 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. С. 126.

лет не могли называть себя социал-демократами и использовали формулировку «последовательные демократы». Как позднее отмечал Троцкий, это возымело свои последствия. Многие люди, связанные с партией, оказались в итоге именно «последовательными демократами» (в той или иной степени), но ни в коем случае не марксистами! Для развития здорового марксизма необходимо отдавать себе отчёт в том, *что такое марксизм*. Только развитие подлинного – подпольного – марксистского печатного органа могло бы поправить ущерб, нанесённый «легальными марксистами» и их тенью – представителями так называемого «экономизма». Таким органом стала ленинская «Искра».

Несмотря на все проблемы и расходы, период сотрудничества с «легальными марксистами» принёс свои плоды. Более того, это был необходимый этап развития марксистского движения. Многие из тех, кто в молодые годы заигрывали с марксизмом, впоследствии порвали с движением и перешли на сторону реакции. Но тогда, на заре движения, они играли полезную роль. Некоторые из них, казалось, по-настоящему преобразились. Но большинство, однако, вскоре оправилось от социалистической «кори». Избранный ими подход легко объяснялся острой необходимостью легальной работы и желанием избежать расследований, арестов и тому подобного. Пока основные задачи движения носили более или менее теоретический характер и были направлены главным образом против народнических врагов буржуазии, сотрудничество с «легальными марксистами» находили вполне удовлетворительным. К слову сказать, именно «легальный марксист» Струве написал манифест Первого съезда РСДРП!

У «легальных марксистов» было заурядное, примитивное представление о марксизме. Такой марксизм можно сравнить с кофе без кофеина: ему не хватало жизни, борьбы и революционного задора. Неслучайно поэтому «легальные марксисты» предпочли диалектике неокантианскую философию. Несмотря на, казалось бы, ту особую, уникальную роль, которую «легальный марксизм» играл на заре социал-демократического движения в России, его призраки, абстрактные, недиалектичные и лишённые всякой революционности, то и дело объявляются в разрежённой атмосфере университетов разных стран на всех этапах развития марксистского движения. Позднее людей, ведущих себя как «легальные марксисты», стали неодобрительно называть сочувствующими. Заигрывая с марксизмом, они, однако, никогда не выходили за рамки буржуазного образа жизни и буржуазной психологии. Много лет спустя Струве так охарактеризовал менталитет «легальных марксистов»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.